

Министерство образования и науки Российской Федерации

Южный федеральный университет

Институт социологии и регионоведения

**Материалы круглого стола
«Межэтническое и межрелигиозное
взаимодействие на Юге России»**

Ростов-на-Дону – 2016

ББК 60.54
М-43

Материалы публикуются в авторской редакции

М-43 Межэтническое и межрелигиозное взаимодействие на Юге России. Материалы круглого стола. Ростов н/Д: Фонд науки и образования. 2016. 70 с.

В сборник включены материалы докладов и выступлений участников круглого стола «Межэтническое и межрелигиозное взаимодействие на Юге России». В статьях раскрываются вопросы гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений на Юге России, формирования общероссийской идентичности, консолидации российского общества и воспитания патриотизма.

Конференция организована при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда, проект 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности»

Сборник рекомендован всем, кто интересуется данной проблематикой, социологам, политологам, регионоведам и др.

ISBN 978-5-9909465-4-5

© Авторы, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Барков Ф.А. Социальные условия возникновения символической агрессии в межэтнической коммуникации	3
Богданова О.В. Проблема оценки социальных ожиданий населения, как фактор эффективности управленческого потенциала руководителей территорий	7
Бондарь В.В. Взаимодействие государства и гражданского общества в борьбе с экстремизмом по материалам республики Чечня	11
Вагина В.О. Патриотизм как императив гражданского единения молодежи Юга России	14
Журченко Е.Б. Необходимость формирования межкультурной толерантности в учебных заведениях высшего профессионального образования	23
Имгрунт С.И. Особенности конструирования гражданской идентичности в регионе	29
Колесникова А.Г. Консолидирующая роль музея в развитии регионального социума	34
Кривоусков В.В. Особенности гармонизации межэтнических отношений в Российской Федерации	39
Лобода А.А. Межэтнические противоречия Дагестана как барьер укрепления общероссийской идентичности в контексте общенациональной безопасности	42
Лурье А.Г. Социальная критика в контексте динамики межэтнических отношений в современной России	43
Макаров В.В. Ростовская область как центр межэтнического соприкосновения и межкультурной коммуникации на Юге России	47
Немчина В.И. Конструирование национальной идентичности: новые коммуникативные практики	50
Стукалова Д.Н. Профилактика конфликтогенного потенциала миграции: этноинституциональный подход	55
Терещенко А.А. Азербайджанская диаспора в России: региональный аспект	58
Трофимов Г.В. Конфликтогенные факторы межнациональных отношений в регионах России	61
Харчев В.В., Пепанян Л.С. Влияние этнических факторов на формирование управленческой культуры	65

Социальные условия возникновения символической агрессии в межэтнической коммуникации

Ф.А. Барков

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Взаимоотношения между представителями этносоциальных общностей могут носить характер системно регистрируемого социального взаимодействия, а могут проявляться как локальные вспышки этносоциальности в определенном контексте. Одной из таких форм, которая на наш взгляд, заслуживает внимания и определенных усилий по концептуализации является проявление особого рода агрессии, враждебности со стороны представителя одной этносоциальной группы по отношению к представителю другой этносоциальной группы. Речь идет не о прямой агрессии или ксенофобии, и, конечно, не об идеологизированных формах этнонационализма, а об определенных «нестыковках» в повседневных взаимоотношениях, которые порой приобретают особую значимость. Речь идет о проявлении символической агрессии в межэтнической коммуникации.

Данное понятие призвано высветить один из аспектов социального взаимодействия в контексте проблем, связанных с этнической инаковостью, усилением миграционных потоков и недостаточной эффективности политики этнокультурной интеграции внешних и внутренних мигрантов. Общим фоном актуализации данного понятия является усиление ксенофобии вследствие усиливающихся миграционных потоков в условиях ограниченных возможностей государственного регулирования в данной сфере, сохранение, а подчас и увеличение культурной дистанции между этнокультурными и этноконфессиональными макрогруппами в России (русские и кавказцы, православные и мусульмане и т.п.), но самое главное – все большее проникновение различных форм агрессии и даже насилия в сферу межэтнической коммуникации [1].

Сегодня можно утверждать, что агрессия стала играть в межэтническом взаимодействии и коммуникации весьма заметную, если не определяющую роль. Данный тезис, однако, относится не к удельному весу агрессии в общем объеме социальных взаимодействий, а к ее символическому значению, влиянию на формирование этнических стереотипов и установок на восприятие «этнически другого». Подтверждением этому является тот факт, что если ситуация межэтнического взаимодействия протекает без какой либо формы агрессии, она обычно не проблематизируется ни ее участниками, ни сообществами, ни обществом в целом. Если в ситуации межэтнического взаимодействия участниками фиксируются признаки агрессии, у такого

события гораздо больше шансов получить огласку, быть транслированным в социальном окружении на уровне слухов, рассказов, стереотипов, наконец, выйти в информационное пространство сети Интернет или даже быть отображенным в сообщениях СМИ. Но стоит обратить внимание на то, что ключевая фраза здесь «участниками фиксируются признаки агрессии». Иными словами, проблема символической агрессии в межэтническом взаимодействии – это проблема социальных определений, интерпретации, а также взаимодействия социальных правил, этноинституциональных норм, которое и является предметом интерпретаций. Символическая агрессия – это не столько агрессия против конкретного индивида, сколько агрессия против определенного порядка, точнее конкретной интерпретации данного порядка, наличествующей в сознании участника конфликтной ситуации.

Проблема символической агрессии в межэтнической коммуникации хорошо распредмечивается посредством этнометодологической схемы Г. Гарфинкеля. Если мы рассматриваем отдельно взятое взаимодействие двух индивидов, включенных в различные этноинституциональные поля (имеющих различную идентичность, представления о допустимом и недопустимом и т.п.), как некую повседневную сцену, то этой сцене всегда предшествуют некие фоновые ожидания, с помощью которых ситуация и становится социальной реальностью, «проигрывается», с помощью которых состыковываются деятельностные (или поведенческие) коды участников ситуации. Если ожидания участников от «сценария сцены» приблизительно соответствуют друг другу, все проходит более или менее рутинно, самой собой и как бы незаметно. Но в ряде случаев «обыденные сцены превращаются в заметные», обнаруживается несоответствие фоновых ожиданий участников сцены и ее реального протекания, «стандартизированные и страндартизирующие» признаки повседневного взаимодействия становятся нарушенными [2].

Именно в этих случаях, чаще всего действия представителя иной этнической группы воспринимаются как символически агрессивные, то есть направленные на нарушение привычных схем взаимодействий, привычного порядка вещей. Именно подобного рода нарушения привычного, неререфлексируемого порядка дают почву для обвинений мигрантов, представителей этнических меньшинств, «гостей города, региона» в сознательном или несознательном несоблюдении неписанных социальных конвенций.

Очевидно, что символические формы агрессии должны пониматься не узко (как вербальная или жестикулярная агрессия), а социологически в духе символического интеракционизма – как любые социальные маркеры или

действия, которые в данных условиях могут восприниматься индивидом в качестве формы психологического, культурного или этноинституционального давления. В таком определении подчеркивается важность не только самих действий, а именно их интерпретации. Однако принципиальное методологическое значение анализа конфликтных, символически агрессивных взаимодействий заключается не только в разборе того, как формируются агрессивные установки, но и того, как они тиражируются в сообществе.

Происходит это, главным образом, посредством «ужимания» всего разнообразия конкретной информации до формата стереотипов, которые приобретают характер устойчивых оценочных образцов и мнений, зачастую и устойчивых языковых выражений. В современном мире дискурсивной единице необязательно иметь форму даже устойчивого языкового выражения, чтобы оказывать сильное преформирующее воздействие на массовое сознание. Так, одним из доказательств такой функциональной роли агрессии как атрибута социального конфликта в формировании общенациональной атмосферы межэтнического взаимодействия является то, что сама по себе межэтническая проблематика категоризируется, преимущественно, не в терминах общеидеологических установок (наподобие «интернационализма», межнациональной дружбы, мультикультурализма и т.п.), общегражданских конструктивных определений (например, «украинские канадцы», «китайские канадцы» в Канаде), а в терминах этнического контрпозиционирования и даже противостояния. Выразиться подобное конфликтное отношение может как в повседневных опривыченных прозвищах, так и в журналистских штампах и конструктах.

Возрастанию функциональной роли символической агрессии в межэтнической коммуникации способствует целый ряд обстоятельств: конкуренция этногрупп в экономических нишах (в том числе теневой или серой экономике), формирование территориальных анклавов, анклавно-пограничных зон (и в сельской местности, и мегаполисах), депривация этнического самосознания русских и усиление демонстрации этнических маркеров мигрантами в ответ на фрустрирующие условия, конкуренция этнических институтов за установление нормативного определения реальности. Очевидно, в этих условиях символическая агрессия становится не только следствием конфликта интерпретаций обыденных сцен, не только фактором их конструирования, но и инструментом борьбы за право определения конвенциональных правил в условиях полиэтничности. Именно поэтому конфликт, связанный с символической агрессией, не обязательно

может быть конфликтом интерпретаций (т.е. бессознательным), он может быть вполне сознательным.

Символическую агрессию может содержать и чрезмерная демонстрация культурных маркеров, четкое проведение этногрупповых границ (особенно, если это связано с эксклюзивом), утверждение этногрупповой идентичности посредством демонстрации нетипичных для данного социального окружения культурных форм. Конфликт этноинституциональных норм прибывающего населения и институциональных норм принимающего населения является важным фактором формирования межэтнической напряженности в контексте интенсивных миграционных процессов. Так, в качестве символически агрессивных и при этом этнически фундированных действий житель российского мегаполиса может воспринимать танцы на центральной площади в исполнении кавказцев, стрельбу из свадебных картежей, групповое отправление обрядов мусульманами, даже «чрезмерное» скопление мигрантов в том или ином месте. В свою очередь, жители кавказских республик как агрессивное могут воспринимать поведение, которое не вписывается в нормы традиционной культуры – отсутствие платка на голове у женщин, ношение коротких юбок женщинами, коротких шорт мужчинами, употребление алкогольных напитков, тех или иных выражений и т.д.

Систематизация форм символической агрессии в межэтнической коммуникации, выявление этнокультурных и этноинституциональных условий, которые стоят за интерпретацией того или иного поведения как символически агрессивного должно позволить уточнить понимание причин роста ксенофобии в российском обществе, а также сформулировать дополнительные технологии преодоления и профилактики межэтнической напряженности в контексте стратегии формирования единой российской гражданской нации. Основная исследовательская задача при рассмотрении явления символической агрессии в межэтнической коммуникации заключается в поиске ответов на два вопроса. Во-первых, насколько в сложном современном мире с его многомерными и многослойными идентичностями этничность (включая традиционную культуру) опирается на символы в своем воспроизводстве и конструировании. Во-вторых, в каком масштабе и каким образом эти символы попадают в нашу повседневную жизнь и при каких условиях способны вызывать между людьми и группами людей отношения дискорплементарности, напряженности, то есть опосредовать символическую агрессию.

Литература

1. *Сериков А.В.* Влияние уровня гражданской идентичности на экстремизацию межнациональных отношений в регионе // Вестник Российской академии естественных наук, 2013, № 3, С. 35-39.
2. *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. – СПб., 2007. С. 47-48.

Проблема оценки социальных ожиданий населения, как фактор эффективности управленческого потенциала руководителей территорий

О.В. Богданова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

В современных условиях мы наблюдаем значительное снижение качества жизни населения, что в первую очередь обусловлено макроэкономическими условиями, сложившимися в последние годы. Определяя эффективность управления территориями, следует четко обозначить критерии оценки. Первичным критерием, с нашей точки зрения должен стать индекс удовлетворенности населения. Нам представляется, что данный показатель может включать общие оценки и оценки ориентированные на особенности конкретной территории.

Критериальная оценка должна быть основана на показателях, которые с максимальной долей объективности сформируют оценку деятельности местных властей. Рассмотрим возможные направления, для разработки таких критериев. Существует система государственного мониторинга, формирующая представление о социально-экономическом положении территориального образования. Данные показатели по большей части сформированы за счет определения ВВП, инвестиционной активности, количественного использования бюджетных средств (дотационные регионы и регионы – доноры) Не подвергается сомнению значимость этих показателей, но важно подкрепить имеющиеся сведения социально ориентированными оценками.

Рассматривая социальную эффективность, мы констатируем, что существует ряд территорий, которые испытывают постоянный приток мигрантов. В данном случае мы не рассматриваем, приток и локальное расположение представителей других государств, беженцев и т.д. Мы акцентируем внимание на внутривосприимчивых потоках.

Достаточно показательными являются данные федеральной службы статистики о региональном приросте населения в 2015 году. (Рисунок 1.)

Достаточно показательным является естественный прирост в Краснодарском крае, который превысил прирост в г. Москве. Если отходить от сухого языка цифр, мы можем сделать предположение, что данный регион наиболее предпочтителен для проживания. Могут возникнуть возражения, что существуют факторы, такие как благоприятные климатические условия, но республики Северо-Кавказского федерального округа в абсолютном большинстве обладают этой качественной характеристикой, при этом население стремится именно в Краснодарский край. В данном случае мы считаем оценочный фактор преимуществом, для формирования положительной оценки деятельности местной власти.

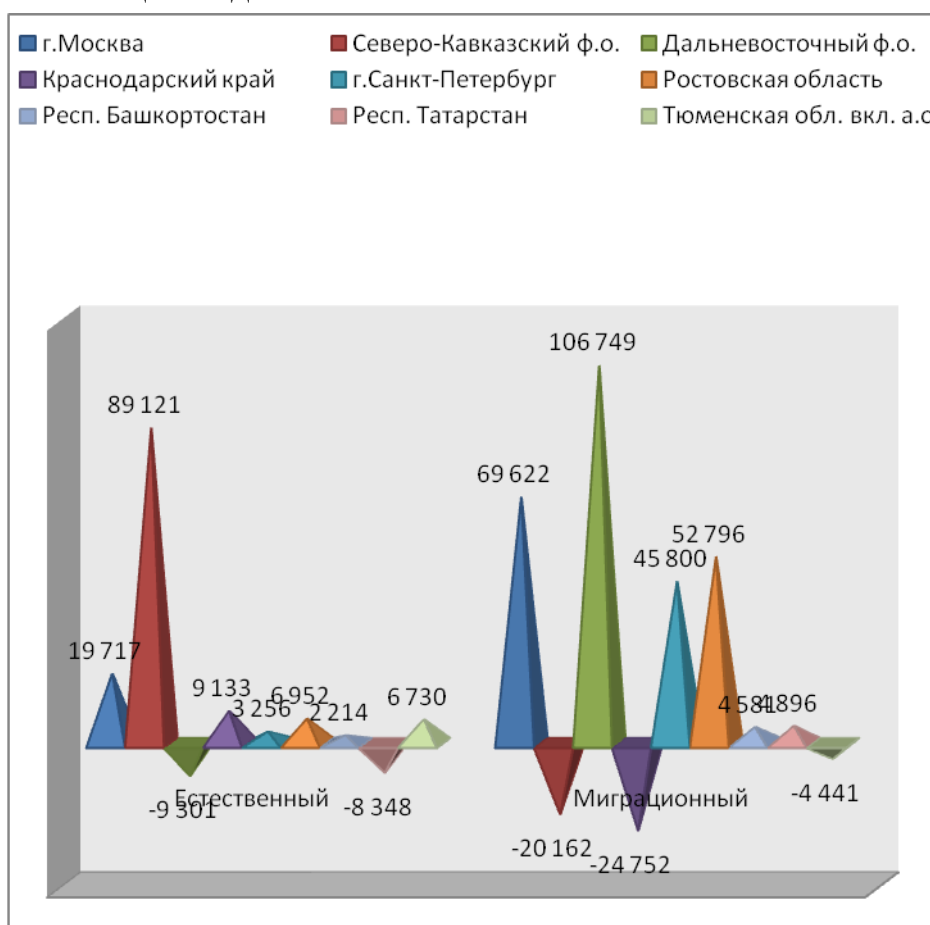

Рисунок 1. Динамика прироста населения (Составлено автором на основе официальных данных)

Определяя прирост населения, как показатель благоприятного развития территории, следует учитывать, что такой регион, как Москва не может оцениваться на том же уровне, что другие регионы, поскольку в гонке за максимальный режим благоприятствования для жизни, он уже на старте находится далеко впереди остальных. Москва максимально сосредоточила в себе финансовые потенциал страны. Крупнейшие предприятия, в том числе

бюджетоориентированные, ведут деятельность в регионах, а фактически зарегистрированы в Москве, что определяет фактический приоритет налогового обеспечения и формирование бюджетных возможностей. Кроме того Москва остается центром притяжения, как субъект, обеспечивающий возможности личностного роста. Неоднородность развития территорий в нашей стране обусловлены перекосом в системе формирования региональной системы экономической специализации и перераспределения ресурсов.

Рассматривая значимость социальной эффективности руководителей субъектов, важно сформировать единую систему оценки с использованием данных специализированных опросов. Социальные ожидания населения должны определять вектор развития и уровень эффективности местных властей.

Среди различных опросов и мониторингов, оценивающих удовлетворенность населения, выделим следующие:

«Всемирное исследование ценностей» (проводится с 1989) (World Values Survey) [2];

«Международный индекс счастья» (Happy Planet Index) (2011) [3]

«Индекс лучшей жизни» (Better Life Index) [4]

«Индекс глобального благополучия» [5], который появился в 2013 г.

Одним из первых международных проектов оценки ожиданий населения стал мониторинговый проект американского социолога и политолога Р. Инглхарта «Всемирное исследование ценностей».

В России функции мониторинга взял на себя Всероссийский центр изучения общественного мнения (далее ВЦИОМ). Результаты мониторинга отражаются в открытом доступе и могут быть подвергнуты анализу. [6]

В результате приведенных на сайте ВЦИОМ данных мы построили диаграмму, отражающую показатели удовлетворенности населения, полученные в результате проведенных опросов.

Рисунок 2. Оценка «социального комфорта» по данным экспертных опросов ВЦИОМ (Составлено автором)

Приведенный анализ отражает особенности «социального комфорта» во временном измерении. Подобным образом, может быть построен анализ и в территориальном разрезе. Уровень социального комфорта может быть сложен из различных приоритетов: удовлетворенность образованием, транспортной инфраструктурой, медицинским обеспечением и т.д. При любом раскладе показатели красноречиво отражают общественное суждение и позволяют оценить уровень достижения социальных ожиданий.

Литература

1. Сайт Федеральной государственной службы статистики [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/ (Дата обращения: 22.11.2016).
2. World Values Survey [Электронный ресурс] // World Values Survey. Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp/> (Дата обращения: 16.11.2016).
3. HappyPlanetIndex (a) [Электронный ресурс] // HappyPlanetIndex.: <http://www.happyplanetindex.org/> (Дата обращения: 16.11.2016).

4. Online Data Analysis [Электронный ресурс] // World Values Survey. Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp/> (Дата обращения: 20.11.2016).
5. State of global well-being. Results of the Gallup-Healthways Global Well-Being Index. 2014 [Электронный ресурс] // Healthways. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader // Режим доступа: <http://www.well-beingindex.com/> (Дата обращения: 16.11.2016).
6. Сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/ (Дата обращения: 20.11.2016).

Взаимодействие государства и гражданского общества в борьбе с экстремизмом по материалам республики Чечня

В.В. Бондарь

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

Северный Кавказ является регионом, в котором исторически сложилась сложная межэтническая и межрелигиозная ситуация. Однако в последнее десятилетие обстановка на Кавказе становится все менее напряженной. Огромную роль в этом сыграли силовые методы противодействия незаконным вооруженным формированиям. После окончания горячей фазы конфликта произошло налаживание мирной жизни в республиках Северного Кавказа. И в данной ситуации на первый план вышли мирные инициативы государства и гражданского общества по противодействию экстремизму. Мы хотели бы отметить некоторые из них.

Для определения экстремистских материалов в Чечне планируется создать специальный центр лингвистической экспертизы. В новый орган войдут богословы, представители правоохранительных органов, специалисты – филологи и эксперты в различных областях.

«В настоящее время вопрос противодействия проявлениям экстремизма, разжиганию межнациональной и межконфессиональной вражды стоит довольно остро. В нашей республике этим вопросам уделяется повышенное внимание. Для определения экстремистских материалов, публикуемых в сети Интернет, а также различных печатных СМИ, необходимо авторитетное мнение специалистов», – утверждают в аппарате главы и правительства Чечни [1].

По словам представителя ведомства, заниматься вопросами, связанными с проведением лингвистической экспертизы тех или иных

материалов, будет Центр лингвистической экспертизы, в который войдут представители различных ведомств и специалисты в области филологии.

Решение о создании Центра лингвистической экспертизы было принято на прошедшей 18 февраля 2015 в Грозном встрече руководителя департамента по связям с религиозными и общественными организациями администрации главы и правительства Чечни с представителями прокуратуры республики.

Следует отметить, что экспертная оценка материалов по уголовным делам экстремистской направленности является основой доказательной базы. Положительным моментом является возможность участия в экспертизах не только представителей государственных структур, но и представителей гражданского общества.

Ранее, осенью 2014 года Общественная палата Чечни учредила специальную комиссию по контролю за социальными сетями в Интернете. К решению мониторинга веб-сайтов члены Общественной палаты пришли на заседании 29 октября после обсуждения роли институтов гражданского общества в обеспечении информационной безопасности. Главной задачей комиссии обозначено противодействие экстремистским высказываниям.

По мнению руководителя местной неправительственной организации, в последние месяцы на различных сайтах были опубликованы аудио- и видеобращения религиозных и иных деятелей, которые «зачастую ведут неприкрытую пропаганду экстремистских идей».

«Именно под влиянием подобных выступлений молодые люди увлекаются идеями джихадизма и радикализма, отправляются воевать на Ближний Восток или же примыкают к действующим на Кавказе вооруженным группировкам. С одной стороны, инициативу Общественной палаты в этом плане можно понять и поддержать, но с другой – есть серьезная опасность того, что соцсети попадут под тотальный контроль, и это может обернуться преследованием инакомыслящих», – считает общественный деятель[2].

В целом мониторинг сети интернет на наличие экстремистских материалов возложен на органы прокуратуры и внутренних дел. Однако инициатива участия гражданских активистов и религиозных деятелей должна привести к более эффективному контролю как за распространением экстремистских материалов, так и за действиями правоохранителей в данной сфере.

В ноябре местные жители сообщили о масштабных проверках магазинов и торговых точек по продаже исламских товаров в Грозном, которые проводили правоохранители совместно с представителями

департамента по связям с религиозными и общественными организациями при администрации главы и правительства Чечни. Работники магазинов утверждали, что не всегда знают, какие конкретно книги находятся в списке запрещенных.

«В рейдовых мероприятиях были задействованы сотрудники прокуратуры, МВД и представители муфтията республики. Проверки были проведены в исламских магазинах, расположенных в центральной части города и на территории рынка «Беркат». При этом владельцы торговых точек и продавцы предупреждались о недопустимости реализации запрещенной литературы и информировались о том, что подобные действия влекут за собой предусмотренную федеральным законодательством ответственность», – сказал представитель МВД.

Мулла мечети в Грозном Умар, выражая свое мнение о законности запретов на религиозную литературу, заявил, что не поддерживает таких радикальных шагов, но, тем не менее, требования закона необходимо соблюдать.

«Экстремисты искажают основы религии со ссылками, в том числе и на труды исламских ученых. Поэтому необходимо оберегать нашу молодежь от пагубного влияния таких «деятелей», – убежден мулла[3].

Негативным моментом является недостаточная распространенность и применяемость общероссийского списка материалов, признанных судом экстремистскими. Правоохранительные органы должны заниматься не только привлечением к ответственности, но и разъяснительной работой с продавцами духовной литературы.

Из рассмотренных антиэкстремистских мероприятий проведенных в республике Чечня в начале 2015 – конце 2014 года следует сделать выводы.

1. Представители гражданского общества, в том числе духовенство, является активным участником противодействия экстремизму, а так же является создателем отдельных инициатив.

2. Правоохранители готовы к сотрудничеству с представителями гражданского общества – как со стороны помощи в выявлении экстремистских явлений, так и в контроле со стороны активной части общества за действиями силовиков.

3. Все большую роль в противодействии экстремизму приобретает общероссийский список материалов, признанных судом экстремистскими.

Литература

1. Власти Чечни решили создать Центр лингвистической экспертизы // Интернет-СМИ "Кавказский узел" [Электронный ресурс] URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/257709/> (дата обращения: 18.03.2015).

2. В Чечне принято решение создать комиссию по контролю за сообщениями в соцсетях // Интернет-СМИ "Кавказский узел" [Электронный ресурс] URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/251737/> (дата обращения: 18.03.2015).

3. В Грозном прошли масштабные проверки магазинов исламских товаров// Интернет-СМИ "Кавказский узел" [Электронный ресурс] URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/252406/> (дата обращения: 18.03.2015).

Патриотизм как императив гражданского единения молодежи Юга России

В.О. Вагина

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

На высоком уровне патриотизм россиянина – это его сознание, социальное чувство, поступки, содержание которых выражается в любви к своей Родине, преданности ей, гордости за свой народ и родную землю, стремлении и готовности к их защите. Такое отношение к своему Отечеству складывалось исторически, в процессах создания и укрепления единого российского государства. Всемерному наращиванию патриотизма способствовали судьбоносные события, которые переживала Россия в своем развитии [6].

Целью работы является анализ патриотического воспитания молодежи на Юге России и его становление как гражданского единения в современной России в процессе системной трансформации.

Актуальна данная тема и тем, что весной этого года президент России Владимир Путин на встрече с активом «Клуба лидеров» (объединение предпринимателей из 40 российских регионов) заявил, что национальная идея России – это патриотизм: «У России не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. А для того чтобы его пробудить, а точнее внедрить сознание о патриотизме как о национальной идее, нужно постоянно об этом говорить, на всех уровнях. И бизнес, и чиновники, и все граждане работают для того, чтобы страна становилась сильнее. Потому что, если так будет, каждый гражданин будет жить лучше. И недостаток будет больше, и комфортнее будет и т.д. Это и есть национальная идея». Владимир

Путин добавил, что эта идея не идеологизирована и не связана с деятельностью какой-то партии, поэтому является общим объединяющим началом.

Сегодня на территории Юга России и по всей стране ежегодно проводятся форумы, выездные школы, конференции, посвященные патриотическому воспитанию молодежи: «Территория смыслов на Клязьме» (Владимирская область), «Таврида» (Крым), конечно же, автопробег «Мир Кавказу» (города Юга России), организованный Южным федеральным университетом. Целью пробега является профилактика экстремизма и ксенофобии в молодежной среде, посредством живого общения между молодежью разных религий и национальностей, а так же воспитание патриотизма и формирование общероссийской гражданской идентичности среди молодежи.

Молодежь представляет будущее страны, ибо общество воспроизводит себя биологически и социально через молодое поколение. Жизнеспособность любого общества зависит именно от его молодежи. Вот почему так важно изучать ее настроения и поведение [1].

Гражданско-патриотическое воспитание всегда занимало особое место в становлении подрастающего поколения. Однако сегодня мы являемся свидетелями девальвации «истинного патриотизма». Причинами этого являются радикальные изменения в социально-экономической, политической жизни российского общества. В условиях процветания индивидуализма, когда каждый выживает поодиночке сложно размышлять и говорить о патриотизме, о самопожертвовании и преданности своему Отечеству. «Искусственный» характер патриотизма также обусловлен формированием негативного отношения к России и умышленной, открытой фальсификации нашей истории.

Ситуация, которая сложилась сегодня, свидетельствует о деидеологизации российского общества. Современной российской молодежи свойственно растерянность, пессимизм, размытость патриотических ценностей. Все это говорит о необходимости поиска нового содержания идеи патриотизма, как средства обеспечения единства общества и сохранения российской государственности. Определение сущности современного российского патриотизма, теоретическое переосмысление основ гражданско-патриотического воспитания молодых людей, является важнейшим направлений государственной политики.

Актуальность проблемы гражданско-патриотического воспитания молодежи на Юге России обусловлена особым геополитическим положением региона. Юг России является зоной острого экономического и политического

соперничества. Наряду с Россией свои стратегические притязания на этот край, объявили многие страны. Пытаясь вытеснить его из российского политического пространства, геополитические оппоненты Российской Федерации большое внимание уделяют формированию антироссийских настроений среди кавказской молодежи. Сегодня крайне важно для стабильности российской государственности в этом регионе создание идеологического фундамента, который бы объединил кавказскую молодежь с остальной частью российской молодежи, укрепил в них общероссийскую идентичность.

Важным шагом в этом направлении было принятие третьей Государственной программы по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы. Программный документ включал в себя комплекс мероприятий, которые были направлены на воспитание патриотизма, интернационализма и гражданственности у российской молодежи. Основными направлениями государственной политики в сфере гражданско-патриотического воспитания граждан Российской Федерации являются:

- создание единой модели патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Государственная политика должна быть обеспечена путем согласованной, непрерывной работы государственных органов и общественных организаций. На уровне субъектов Российской Федерации государственная программа по патриотическому воспитанию молодежи должна быть дополнена региональными целевыми программами или планами, а также отражена во всех программах, посвященных работе с молодежью, где они приняты соответствующими органами;

- возобновление военно-спортивных игр, направленных на повышение престижа военной службы;

- взаимодействие молодежных и ветеранских организаций;

- активное привлечение к патриотическому воспитанию средств массовой информации;

- подготовка и переподготовка специалистов патриотического воспитания;

- организация и проведение конкурсов и фестивалей, посвященных патриотическому воспитанию.

В республиках Северного Кавказа проблема гражданско-патриотического воспитания молодежи имеет особый характер. В течение длительного времени гражданско-патриотическим воспитанием подрастающего поколения в Северо-Кавказском регионе практически никто не занимался. Отсутствие непрерывной государственной политики в сфере

патриотического воспитания привело к распространению в среде кавказской молодежи таких явлений как неудовлетворенность своим положением, дезориентация, нарастание национализма и религиозного экстремизма. На Северном Кавказе выросло поколение молодых людей, которые не осознают общероссийской идентичности, критически настроены к государственным институтам.

Однако на каких ценностях и принципах должно строиться сегодня гражданско-патриотическое воспитание молодежи в республиках Северного Кавказа? И что такое кавказский патриотизм? Проблема в том, что молодые люди в республиках Северного Кавказа отличаются от своих российских сверстников. Отличие в том, что современная кавказская молодежь живет в особых кавказских реалиях, воспитывается на иных нравственных ценностях.

Как показывает практика, институциональные формы патриотического воспитания в республиках Северного Кавказа, оказались малоэффективными. Разрабатывая стратегию гражданско-патриотического воспитания северокавказской молодежи, следует акцентировать внимание на традиционные, веками формировавшиеся ценности:

– в современной практике патриотического воспитания кавказской молодежи, необходимо использовать потенциал традиционных институтов общественного управления (народные собрания, совет старейшин). Многие из них пользуются авторитетом у населения большим, чем региональные и местные власти. В условиях отсутствия жизненных ориентиров у подрастающего поколения, старейшины, как носители исторической памяти народа, должны взять на себя роль наставников в деле возрождения традиций патриотического воспитания;

– в процессе формирования гражданско-патриотических ценностей также необходимо использовать «этнические воинские традиции». На общем фоне российских регионов, где существует проблема увеличения числа молодых людей, уклоняющихся от прохождения военной службы, в республиках Северного Кавказа молодые люди проявляют редкое рвение в стремлении выполнить гражданский долг по защите интересов своего Отечества. В регионе, где большинство молодых людей не имеют работы, служба в армии это один из немногих работающих социальных каналов открывающий возможность трудоустройства;

– особое внимание следует уделять системе традиционного воспитания.

В республиках Северного Кавказа существует классическое традиционное воспитание подрастающего поколения. Патриотизм здесь воспитывался с детства. Даже сегодня в кавказских семьях продолжается воспитание мальчиков на основе воинских «подвигов», почитании старших,

верности дружбе и своему слову, готовности во имя родины пожертвовать своей жизнью. Все это передается из поколения в поколение [5].

«Региональная идентичность находится в диалектической связи с патриотизмом. Патриотизм как любовь к Родине начинается с малой Родины – места рождения или с того населенного пункта, где прошло детство человека. У большинства людей привязанность к таким местам сохраняется на всю жизнь, проявляется как ностальгия, если дальнейшая жизнь проходит в других регионах России или других государствах. Но такая любовь к локальному месту может и не перерасти в любовь к большой Родине, в государственный патриотизм, а остаться скорее теплым воспоминанием о детстве и юности. В целом это зависит от характера дальнейшей социализации человека и его судьбы.

Как показывают исследования, проведенные недавно ЮРФИС РАН, региональная идентичность на уровне субъекта федерации (точнее в форме области, края, т.е. условно русских регионах) менее важна, чем российская, этническая или локальная. С этим сталкиваются практически все подобные регионы (кроме двух столиц, но в данном случае города-мегаполисы являются субъектами РФ). Отсюда попытка конструирования позитивного имиджа, бренда территории (региона) и на его основе регионального патриотизма. Если такой патриотизм является региональной конкретизацией российского патриотизма, то это рациональная стратегия, которая будет способствовать укреплению российской идентичности, одной из основ которых является патриотизм» [2].

Однако не соблюдение меры в такой политике может привести к гиперболизации «местечкового» патриотизма, дать толчок развитию областничества, перерастающего в сепаратизм. Так было в XIX в., в период Гражданской войны, в 90-е гг. XX в. Особенно велика такая опасность в национальных республиках (прежде всего, мононациональных), в которых региональная и этническая идентичность накладываются друг на друга, что создает кумулятивный эффект. В результате формируется этноэтатистский патриотизм (сочетание регионального патриотизма и этнонационализма) со стремлением к суверенности и латентным сепаратизмом.

Не исключена такая динамика и для регионов, в которых существуют субэтнические группы русских (казачество) или отдаленные территориальные социумы русских (Калининград, Дальний Восток и даже Санкт-Петербург).

Поэтому искусственное брендингирование Ростовской области или Краснодарского края как казачьих регионов в контексте противопоставления их «москалям», «кацапам», «кугутам» может придать региональной

идентичности деструктивный характер с точки зрения целостности России и общероссийской идентичности. Таких примеров в истории России немало: крестьяно-казацкие войны и восстания в XVII-XVIII вв., Кубанская Рада и Донская Республика в годы Гражданской войны, казачьи формирования вермахта в годы II Мировой войны, современные виртуальные сепаратистские проекты на Дону и Кубани.

В настоящее время проявление подобной региональной идентичности и крайних форм «местечкового» патриотизма маргинальны, но потенциал для усиления, особенно в условиях обострения социально-экономической ситуации и межэтнических отношений, безусловно, существует [7].

Если же регулирование этих процессов будет происходить в увязке с формированием общероссийской идентичности и патриотизма, то они будут усиливать друг друга. В любом случае региональная идентичность и патриотизм должны быть вторичными и производными от общероссийских форм. Эту вторичность подчеркивает и нарастающая территориальная мобильность населения, т.е. частая смена места проживания.

В то же время человек непосредственно ощущает себя российским патриотом, проживая в конкретном регионе. Поэтому региональная идентичность важна, но она не должна базироваться на акцентуации конкретной этносоциальной группы, а опираться на весь местный этносоциум, интерпретируя его как органическую часть всей России. В этом случае региональный и общероссийский патриотизм будут совпадать и проявляться в укреплении и развитии региона как части России.

Сходным образом соотносится патриотизм с макрорегиональной идентичностью (ЮФО, СКФО; Южнороссийская, Северокавказская). Макрорегиональная идентичность динамична, т.к. меняется в соответствии с административно-территориальными реформами и изменением маркеров.

Макрорегиональная идентичность может укреплять в регионах общероссийскую идентичность, способствуя ее гармонизации с региональными идентичностями. Так произошло после создания ЮФО в 2000 г. с южно-российской идентичностью. Но после выделения из состава ЮФО СКФО, в последнем процессы региональной и макрорегиональной (северо-кавказской идентичности) стали расходиться с общероссийской идентичностью, ослаблять последнюю на Северном Кавказе, а вместе с ней и российский патриотизм (ему стал частично противопоставляться кавказский патриотизм) [3].

В начале 2015 года Северо-Кавказский округ отметил 5-летие со дня своего образования. Он был создан, чтобы решить целый комплекс

серьезных этнических, религиозных и политических вопросов, накопившихся в регионе. Так что сегодня можно подвести некоторые итоги.

К сожалению, пока так и не удалось повысить инвестиционную привлекательность края, остались проблемы клановости и этнического протекционизма, по-прежнему сохраняется угроза межнациональных конфликтов и даже терактов.

Дестабилизируют ситуацию деятельность отдельных бандформирований в республике Ингушетия и Чечня, несколько очагов напряженности в Дагестане, межэтнические противоречия в Кабардино-Балкарии, территориальные претензии Чечни к Ингушетии. Много лет основные сложности группируются вокруг реализации земельной реформы местного самоуправления и конкуренции этнических групп за различные формы собственности и доступ к власти. Не утихают острые, не всегда мирные дискуссии вокруг Терского казачьего войска и мусульманских общин.

Но, разумеется, есть и значительные достижения. В СКФО ведется огромная работа по профилактике терроризма, гораздо меньше молодежи сегодня пополняют ряды подпольных бандформирований, повышается роль институтов гражданского общества в разрешении острых межэтнических конфликтов, органам государственной власти удается контролировать потенциально опасные проявления межнациональной розни и не допускать их развития [2].

Именно в Северо-кавказском сообществе сегодня наблюдается самый сильный за последние 20 лет рост патриотизма, охватывающий практически все слои населения, вне зависимости от их этнической и конфессиональной принадлежности. Во многом это стало естественной реакцией на антироссийскую политику стран Запада и США, а также события на Украине.

Таким образом, конструирование различных уровней региональной идентичности, даже на уровне маркеров, слоганов, символов не должно противоречить российской идентичности и патриотизму. Если говорить об экспертном мнении на эту проблему, то их взгляды разделились на две группы. Одни в своих ответах утверждают, что любовь к малой Родине, важна и в региональном патриотизме нет никаких проблем: «Неотъемлемым элементом в единой любви к Родине, является гордость за свою малую Родину. От малого к большому. Малую Родину нельзя отделять от большой Родины. В этом и есть понятие единства». Вторая группа экспертов сошлась во мнении, что излишнее увлечение региональным патриотизмом может

привести к негативным последствиям: «Любовь к малой Родине начинает мешать, когда ставят идентичность малой Родины сверх общероссийской».

Эксперты и участники фокус-группового исследования подчеркнули уровень «регионального патриотизма в Ростовской области. Молодежь Ростовской области стабильно демонстрирует высокий уровень любви к своему региону, в качестве места для получения образования Ростов выбирают и молодежь из соседних регионов ЮФО и СКФО. Хотя в Ростов-на-Дону едут не только учиться. Среди основных причин, которые привлекают жителей других территорий, находятся факторы социально-экономического плана: столица донского региона реализует себя как крупнейший образовательно-научный центр, развивающийся город в котором жить комфортнее и удобнее, чем в других территориях, центр экономической динамики, в котором имеются незанятые рабочие места. Это подтверждают многократные социологические исследования, которые проводятся ЮРФИС РАН на протяжении последних лет».

Эти исследования показывают, что в регионе население фиксирует достаточно высокое количество культурных мероприятий и спортивных событий, что свидетельствует о благоприятной событийной обстановке в регионе. Такой фактор как событийная привлекательность является достаточно важным в формировании туристического потенциала территории. Помимо событийной динамики, важным фактором привлекательности является средовая привлекательность, которая связана с особой средой, атмосферой, создаваемой социальным и культурным колоритом местности, отношением населения к региону как жизненной среде.

«Для определения символического наполнения регионального патриотизма в фокус-групповых исследованиях у респондентов спрашивали ассоциации с регионом, символы, которые позволяют гордиться Ростовской областью. В первую очередь участники фокус-групп называют символы, связанные с казачеством: казаки, атаман Платов, Старочеркасск и т.д. На втором месте по количеству упоминаний стоит А.П. Чехов и М.А. Шолохов как два известнейших писателя, которые ассоциируются с Донским регионом. Далее по частоте упоминаний идет целый ряд ассоциаций: Левый берег Дона, Ростсельмаш, Новочеркасский собор, Д. Дибров.

Респонденты и эксперты сошлись во мнении, что хотелось бы видеть кроме прогрессивного имиджа еще и реальную картину – процветающий край, в котором своими себя чувствуют коренные жители. Кроме этого, имиджу Ростовской области не хватает образов конкретных людей, которые бы ассоциировались с данным конкретным регионом, не хватает описания

конкретных достижений и успехов, которыми славится Ростовская область» [3].

Политика современного российского государства отражает поиск его новой роли в области культуры XXI века и связана с новыми вызовами времени. Безусловно, она нуждается в совершенствовании управленческих механизмов. Представляется, что научное управление культурными процессами могло бы смягчить и нейтрализовать многие негативные условия для развития культуры, находить верные пути и способы разрешения противоречий [4].

В настоящее время важность формирования патриотизма декларируется во многих нормативных документах, программах, проектах, научных и популярных публикациях, посвященных проблеме патриотического воспитания подрастающего поколения. Однако в российском обществе до сих пор отсутствует концептуальное видение решения проблемы патриотического воспитания. Патриотизм у современной молодежи переживает не самые легкие времена. Об этом свидетельствует факт концентрации государственного интереса к проблемам воспитания патриотизма у граждан Российской Федерации, что закреплено государственной программой. Перечисленные проблемы могут и должны решаться не завтра и не в следующем году, а прямо сейчас. Россия должна либо духовно возродиться, либо исчезнуть. Завтрашний день России зависит от того, насколько выверенными и дальновидными будут принимаемые сегодня меры по воспитанию патриотизма в подрастающем поколении.

Литература

1. *Волков Ю.Г., Добренков В.И., Кадария Ф.Д. и др.* Социология молодежи: Учеб. пособие. – Ростов н/Д, 2001.
2. *Левашов В.К.* Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социс. М., 2006. №8. С. 8-9.
3. *Барбашин М.Ю.* Патриотическое воспитание молодежи Ростовской области: проблемы, перспективы и новые подходы. [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://knigilib.net/book/444-patrioticheskoe-vozpitanie-molodezhi-rostovskoj> (Дата обращения: 17.09.2016).
4. *Гражданско-патриотическое воспитание молодежи в республиках Северного Кавказа: актуальность проблемы и региональная специфика.* [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://docviewer.yandex.ru/> (Дата обращения: 15.09.2016).

5. *Тишков В.А.* Патриотизм и клановость Северного Кавказа. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://nazaccent.ru/column/135/> (Дата обращения: 15.09.2016).
6. Российский патриотизм и патриотическое воспитание молодёжи. Понятие патриотизма. [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://www.nirsi.ru/100> (Дата обращения: 15.09.2016).
7. Патриотизм как социально-историческое явление. [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=20060> (Дата обращения: 15.09.2016).

Необходимость формирования межкультурной толерантности в учебных заведениях высшего профессионального образования

Е.Б. Журченко

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова, г. Новочеркасск

Формирование толерантности является одним из основных качеств человека, в котором нуждается современное мировое сообщество. Ее формирование должно осуществляться на всех уровнях образовательной системы, что подчеркивается во многих международных документах. Так, например, в статье 3 - «Социальные аспекты Декларации принципов толерантности», принятой на 28-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 16 ноября 1995 года, говорится о необходимости укреплять «дух терпимости и формировать отношения открытости, внимания друг к другу» в школах и университетах. В статье 4 того же документа прямо заявляется о необходимости «уделения особого внимания вопросам повышения уровня педагогической подготовки, учебных планов, совершенствования других учебных материалов, включая новые образовательные технологии, с целью воспитания чутких и ответственных граждан, открытых навстречу другим культурам».[1]

В Докладе Верховного комиссара по правам человека на 58-й сессии по правам человека ООН 7 февраля 2002 года выделен целый раздел, посвященный роли образования в области несовместимости демократии и расизма, где подчеркивается огромная роль образования в деле предупреждения ксенофобии и предотвращения нетерпимости и последствий, которые с ними связаны. В частности, он напомнил, что в статье 13 «Международного пакта об экономических, социальных и

культурных правах» прямо говорится: «образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и сознания ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным свободам. Оно должно дать возможность всем быть полезными участниками свободного общества и способствовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями и всеми расовыми, этническими и религиозными группами».

Студенческий возраст характеризуется двумя разнонаправленными тенденциями: с одной стороны это период развития самосознания индивида, закрепления нравственных, моральных и этических предпочтений, с другой – это стремление отказаться от определенных традиционно укоренившихся ценностей, стремление (часто необоснованное) к предпочтению ценностных установок, навязываемых средствами СМИ, телевидением и т.д. По мнению Богданова А.И. эти тенденции заставляют рассматривать проблему толерантности в современной образовательной среде вуза как «проблему формирования ценностного отношения к толерантности», в процессе формирования которой должно прийти осознание, что только в случае признания инаковости Другого возможно создание активного и креативного учебного процесса в поликультурной образовательной среде. [3]

Именно на вышеперечисленных идеях была разработана и осуществлена в 2001-2005 году федеральная программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». Мероприятия, проведенные в ходе реализации данной программы, показали, что целенаправленная работа по формированию толерантности приносит свои ощутимые плоды.

Формирование толерантности, по мнению большинства ученых, является управляемым процессом в ходе получения образования в вузе, в котором можно выделить следующие уровни:

- когнитивный, базирующийся на обретении определенных знаний о существующих различиях, которые позволяют вдумчиво и терпеливо воспринимать инаковость Другого;
- эмоциональный, предполагающий наличия такой человеческой черты как эмпатия, которая дает возможность воспринимать проблемы Другого как свои собственные;
- поведенческий, который характеризуется умением выстраивать позитивные отношения в разнообразных социальных ситуациях;
- личностный, основывающийся на сформированной ценностно-смысловой системе, предполагающей приятие других мировоззрений,

отношений к окружающей действительности, отличных от собственных религиозных предпочтений и т.д.

– коммуникативный, предполагающий наличия коммуникативной компетентности, умения вступать в диалогическое общение без предубеждения, отказ от агрессивного речевого поведения.

В этом отношении культурное разнообразие современного вуза создает наиболее оптимальные условия для формирования всех вышеперечисленных уровней толерантности, поскольку готовит студентов к межкультурному взаимодействию, что подтверждается рядом социологических исследований. Так, например, исследования, проведенные Уральским межрегиональным институтом общественных проблем, показали, что толерантность в условиях глобализации приобрела универсальную значимость, объединяя два основных тренда – стремление к участию в глобализационных процессах и желание не потерять свою собственную культурную идентичность, что требует наличия толерантности во всех многообразных сферах человеческой деятельности, а подходы к ее анализу должны базироваться на осознании плюральности и полисубъектности современного мира. Такой подход можно обнаружить у М.Б. Хомякова, В.Е. Кемерова, А.В. Перцева [6].

В частности, М.Б. Хомяков выдвигает идею рассматривать толерантность в качестве некоего инструмента, координирующего взаимодействие между отдельными национальными культурами и глобальной цивилизацией, при этом данный инструмент (посредник) создает своеобразные «правила» по отношению к универсальным ценностям, которые, в свою очередь, должны получить «символизацию» в культуре через создание символов, мифов, научных теорий и т.д., что требует гибкого подхода, который не навязывается, а постепенно «врастает» в культуру [8]. Поэтому неудивительно, что некоторые ученые рассматривают толерантность в качестве некоего «промежуточного» этапа, ведущего от отношений, основанных на конфликтности к отношениям взаимопонимания. Как отмечает К.С. Авакян, считающей толерантность лишь промежуточным этапом на пути достижения согласия, толерантность способствуют уменьшению агрессии и переходу к миролюбивым отношениям, но при этом проблемы конфликта не исчезают, а, «следовательно, действительного взаимопонимания между представителями различных социальных слоев, этносом, носителями различных культур не достигнуто» [2]. Это происходит в том случае, когда самыми значимыми отличиями для той или иной культуры являются те, которые применяются в качестве своеобразной границы, за пределы

которой не допускаются «чужаки». Как отмечает Ф. Барт, «если этничность является социальной организацией культурных различий, то нам необходимо пересмотреть привычные концепции того, что мы понимаем под культурой. То, что мы понимаем под культурой, без сомнения, имеет эмпирическую ценность, которая будет релевантна нашему понятию этничности». [11]

Надо отметить, что для достижения межкультурной толерантности в условиях многообразия культур образовательной среды, необходимо формировать позитивное отношение к иной культуре, что требует знания в первую очередь своей собственной культуры, ведь «как можно уважать чужого бога, не имея своего собственного». Так, например, Н.М. Лебедева [10] пишет о том, что позитивная этническая идентичность обнаруживается, прежде всего, у тех этнических групп, которые обладают культурологической и исторической компетентностью в области своей нативной культуры, не выстраивая свои взаимоотношения с представителями иных культур на основе негативной исторической памяти. Она определяет факторы, влияющие на позитивную толерантность или же на ее отсутствие и присутствие интолерантности. В контексте исследуемой проблемы к таким факторам можно отнести следующие: уровень сформированности этнической идентичности (этническая компетентность); позитивные интенции к установлению продуктивного межкультурного диалога; наличие определенного опыта в межкультурной коммуникации.

Другой отечественный социолог, Л.М. Дробижева, определяет этническую толерантность как готовность принять других такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия. [4] В изучении этнической толерантности она обращает внимание на этническое самосознание, установки и ценности участников межэтнического взаимодействия. При этом этническое самосознание она понимает как этническую идентичность и связанные с ней интересы, а этническую идентичность – как совокупность самоотнесения себя к этносу, автостереотипам, характеристикам, приписываемых своему народу, что воплощается в этническом - «образ мы» [9].

Несмотря на большое количество исследований, недостаточное внимание уделяется формированию коммуникативной компетентности, основу которой составляет проблема общения в условиях культурного разнообразия образовательной среды современного вуза. А именно проблема толерантности в коммуникации является краеугольным камнем тренда по гуманизации образования. С точки зрения социологии культуры,

основу теоретического осмысления проблемы можно обнаружить в работах М.М. Бахтина, С.Л. Франка, Э. Фромма, К. Роджерса, А.Б. Орлова, А. Маслоу, А. Адлера, С.Т. Тер-Минасовой и др. Анализ их работ позволяет выделить следующие основные идеи:

- рассмотрение каждого индивида в качестве полноценного, обладающего своими характеристиками человека;
- признание уникальности каждого человека, опосредуемой специфическими индивидуальными качествами личности;
- отношение к любому человеку с позиций прав человека, признанных международным сообществом вне зависимости от социального статуса, этнической принадлежности, религиозных взглядов, идеологических предпочтений.

Следовательно, можно заключить, что формирование толерантности осуществляется в образовательной среде вуза в контексте целенаправленной социализации, являющейся интегративной частью общей профессиональной социализации, что, в свою очередь, способствует гуманизации учебно-воспитательного процесса. Как отмечает Е.А. Козлова, «главной целью работы технического вуза и факультетов, в частности, является подготовка к будущей профессиональной деятельности человека не только образованного, наученного, но и принявшего профессиональные нормы, ценности и обязанности, т.е. социализированного. Культура толерантности рассматривается как составляющая эффективной профессиональной подготовки будущего специалиста, выпускника технического вуза и гармоничное развитие личности в социуме. Профессиональные ценности, среди которых важное место занимает толерантность, составляет ведущий компонент профессионального самосознания, отражающий субъективное отношение студента к будущей профессиональной деятельности и выступающей необходимым условием саморазвития и самореализации личности будущего специалиста». [5]

Как уже отмечалось ранее, одна из главных задач современного образования заключается в формировании толерантной коммуникативной культуры, которая является основой для позитивного межкультурного взаимодействия. Для осуществления данной цели Т.Г. Стефаненко, предлагает ряд моделей обучения, различающиеся по методу (дидактический/эмпирический); содержанию обучения (общекультурное / культурно-специфическое); сфере использования для того, чтобы достичь поставленной цели (когнитивный, эмоциональный, поведенческий аспекты).[7] По ее мнению виды обучающих программ в ходе

формирования коммуникативной культуры для обретения межкультурной толерантности включают:

– *просвещение*, предполагающее овладение основными страноведческими знаниями об иной культуре, причем в последнее время акцент переносится не только на получение определенных культурно-значимых знаний, но на развитие такого умения как «научиться обучаться»;

– *ориентирование*, наиболее скоростной метод ознакомления с базисными культурными нормами и традициями целевой культуры (страны), приветствуется использование различных учебных и методических пособий;

– *инструктирование*, концентрирующее на прогнозировании возможных проблемных вопросов, которые могут возникнуть в процессе межкультурной коммуникации и на возможных способах их преодоления в разнообразных социальных ситуациях;

– *тренинг*, наиболее продуктивный метод, нацеленный на практическую подготовку индивида к взаимодействию в условиях межкультурной коммуникации. Г. Триандис различает в межкультурном тренинге две базисные цели – ознакомить участников тренинга с тем, что является наиболее отличным для них в ходе взаимодействия с представителями иной культуры; сформировать умения адаптировать полученные знания в ситуации межкультурного общения.

Таким образом, мы можем рассматривать межкультурную толерантность как позитивную установку для осуществления коммуникации в условиях повседневного межкультурного общения в вузе, формирование которой зависит от эффективного применения вышеперечисленных механизмов.

Литература

1. Декларация принципов толерантности. Принята на 28-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 16 ноября 1995г. // Толерантность / Общ.ред. М.П. Мчедлова. М.: Республика, 2004. С.347-348.
2. *Авакян К.С.* Проблема достижения согласия в обществе в контексте толерантности: сб. материалов всероссийской научной конференции «Политическая толерантность в мультиэтническом регионе». Ростов-на-Дону, 2004.
3. *Богданова А.И.* Формирование ценностного отношения к толерантности в условиях поликультурной образовательной среды // Педагогические науки. № 5. 2012.

4. *Дробижева Л.М.* Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости // Толерантность и согласие // Материалы международной конференции "Толерантность, взаимопонимание и согласие". М.: ИЭА РАН, 1997.
5. *Козлова А.Е.* Формирование мировоззрения и толерантности молодежи в вузе // Альманах современной науки и образования, № 1 (32), 2010, часть 2.
6. *Перцев А.В.* Жизненная стратегия толерантности: проблема становления в России и на Западе. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2002 . 253 с. ; Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – С. 292.
7. *Хомяков М. Б.* Уральский межрегиональный институт общественных наук: прояснение концептуальных оснований проекта // Толерантность: Вестник Уральского межрегионального института общественных отношений. 2002 № 1. [электронный ресурс]. URL: http://virlib.eunnet.net/vestimion/01_02/001.html (дата обращения 19.03.2008)
8. Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. 222 с.
9. Толерантность в межкультурном диалоге / отв. ред. Лебедева Н.М. М., Институт этнологии и антропологии РАН, 2005. С. 45
10. Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // The Anthropology of Ethnicity: Beyond Ethnic Group and Boundaries. Amsterdam, 1996.P. 13.
11. Triandis H.C. Culture and social behavior. – N. Y. Etc. : McGraw-Hill, 1994

Особенности конструирования гражданской идентичности в регионе

С.И. Имгрунт

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Конструирование единой общегражданской идентичности современного российского общества требует повышенного внимания к факторам этнической и конфессиональной неоднородности. Эта проблема приобретает особую актуальность на Юге России, где концентрация различных культур и конфессий достигает наибольшего значения. Многонациональный и многоконфессиональный состав населения является одним из ключевых факторов, существенно усложняющих формирование общегосударственной идентичности, поскольку в данном контексте государство сталкивается с необходимостью объединения не только

социальных, но и этнических и конфессиональных идентичностей своих граждан.

Одной из ключевых проблем, стоящих перед Россией в настоящее время, является выбор такой стратегии консолидации и сплочения общества, которая будет отражать интересы и потребности не одного или нескольких этносов, а всех национальных групп, проживающих на территории нашей страны. Поскольку фактор этничности продолжает оказывать огромное влияние на развитие российского общества, очевидно, что потребность в создании стратегии объединения многочисленных этнических групп в единую гражданскую нацию существует.

В современном мире этничность, особенно этничность возрождаемая, часто является искусственным конструктом, заключающим в себе потенциал, выгодный прежде всего политическим элитам, преследующим определенные цели посредством консолидации групп людей в этнические общности. В частности, процесс национального возрождения в республиках Советского Союза, национальных регионах Российской Федерации повлек за собой многочисленные межнациональные конфликты на постсоветском пространстве.

В современной России далеко не всегда совпадают феноменальный и ноуменальный уровни осознания индивидом своей этнической идентичности. Более того, многие группы населения страны, утрачивая родной язык и в большой степени культуру, сохраняют этническую идентичность как противопоставление своей общности населению страны в целом.

Последний фактор, а именно – противопоставление этнической и гражданской идентичности, и представляет собой наибольшую угрозу для социетального единства российского общества, особенно в современной политической и экономической ситуации в стране, способствующей появлению благоприятного фона для сепаратистских и националистических тенденций как среди национальных меньшинств, так и среди русского населения.

Проблема формирования и укрепления национальной идентичности для современной России и других государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, является особо актуальной и злободневной. Разрушение прежней общесоветской идентичности сильнейшим образом воздействовало на сознание населения, началось конструирование идентичностей нового образца. Актуальной данная проблема является и для объединенной Европы. Глобализация вызывает неизбежное противодействие со стороны разных народов, желающих сохранить свою уникальность и культурно-исторические традиции. В многонациональных государствах эта

проблема обостряется под воздействием сложной системы межнациональных отношений. В современной Европе постепенно началось формирование новой идентичности, основанной на чувстве принадлежности не к отдельному этносу, а их симфонии, симбиозу.

Самоидентификация любого человека является сложной структурой, включающей множество элементов, в том числе и этническую идентичность. Под влиянием глобализационных процессов значение последней постепенно снижается, этническая идентичность начинает отходить на задний план, уступая место другим видам самоидентификации личности. В. А. Тишков убежден, что «большинство из этих категорий с научной точки зрения уязвимы или просто бессмысленны, а с общественно-политической точки зрения порождают тупиковые стратегии и дезориентирующее насилие повседневного сознания граждан»[1].

Формируется множество критериев, согласно которых происходит установление этнической идентичности человека: «фактор крови», антропоморфические признаки, конфессия и пр., которые, по мнению абсолютного большинства, свойственны всем представителям данного этноса. Известно, что советская практика, когда в паспорте существовала особая графа «национальность», которая отражалась в личных делах и ряде других документов, часто приводила к негативным последствиям. Национальный признак превращался для многих людей в фактор, напрямую влияющий на их жизнь в той или иной ситуации. В частности, он мог ускорять или наоборот замедлять продвижение человека по службе, учитывался при вынесении судебных вердиктов и пр.

Тем не менее, иногда установление этнической принадлежности индивида необходимо. В этом случае основой для этнической идентификации должны выступать такие объективные факторы, как принадлежность родителей к конкретной этнической группе, родной язык индивида, место его рождения. Эти данные необходимы для решения статистических задач, например, при переписи населения. Этничность здесь является лишь одной из социальных характеристик населения и не имеет идеологической окраски.

В связи с развитием и все более усиливающимся влиянием на общественное сознание СМИ национально-этническая идеология получила с их помощью новые возможности выражения интересов. Однако восприимчивыми к этническим традициям и ценностям являются не все люди, а лишь те, кто понимает свою этническую идентичность как важный для них фактор, который может оказывать влияние на образ жизни и социальное поведение человека. Этническая идентичность, основанная на

самопричислении индивида, способствует формированию у человека потребности постоянно взаимодействовать с соотечественниками, способствовать сохранению и преумножению национального культурного достояния.

Одним из наиболее значимых элементов гражданского общества является гражданская идентичность, которая служит краеугольным камнем коллективного сознания людей, проживающих в одном государстве. Гражданская идентичность подразумевает наличие у индивидов ощущения себя гражданами одного государства, признание ими его символов и ценностей, вовлеченность в различные общественные процессы, происходящие в данном государстве. И в то же самое время гражданская идентичность в современном мире включает в себя и черты этнического самосознания, которые формируются благодаря осознанию индивидами своей этнической принадлежности.

На основе этнической идентичности развивается этнокультурная самоидентификация человека, которая выражается в том, что индивид ощущает себя носителем этнической культуры. Основными воплощениями этнической культуры являются обычаи, особенности быта и образ жизни, формы проведения досуга, одежда, национальная кухня, ремесла, фольклор, сохранившиеся обряды и пр.

Трансляция культурных особенностей этноса в контексте межгенерационных отношений происходит благодаря сохранению традиций, в которых находят отражение ценности и нормы, шаблоны поведения, стереотипы, формы и методы ведения хозяйства, которые свойственны для данной этнической группы. Таким образом, традиции являются основным механизмом сохранения культурной самобытности этноса.

Деятельностный компонент гражданской идентичности подразумевает социальное поведение человека, направленное на реализацию прав и возможностей, предоставленных ему гражданским обществом, активное участие в общественной жизни, стремление взять в руки бразды правления обществом в рамках, дозволенных законами. Э. Фромм называл такую активность «плодотворностью».

Однако можно ли говорить о том, что в современной России представители всех этноконфессиональных групп отождествляют себя с Россией, чувствуют себя сопричастными к российскому обществу? Полиэтническое и поликонфессиональное российское общество сталкивается с серьезными проблемами в сфере конструирования надэтнической и надконфессиональной общегражданской идентичности.

Огромное значение для формирования гражданской идентичности личности имеет толерантность, которая является одной из основных идеологических установок гражданского общества. В современном демократическом государстве взаимодействия индивидов должны строиться именно на основе толерантности, которая подразумевает уважение к мировоззрению и социальной позиции других людей. Люди, строящие свои отношения с окружающим миром на основе толерантности, признают условность различного рода социальных стереотипов, уважают мнение других людей, открыты и готовы к диалогу.

Природа толерантности сама по себе является сложной и многоплановой. Толерантность является одновременно и чувством, подразумевающим позитивное отношение к окружающему миру во всем его многообразии, и признаком зрелости гражданского самосознания, выраженным в уважении к правам других граждан, и важной деятельностной основой, предполагающей отказ от насильственных и агрессивных методов, готовность к компромиссу и сотрудничеству с представителями иных социальных групп[2].

Развитие гражданского общества в РФ является сложным и долгим процессом, сопряженным с рядом трудностей различного характера. Одной из этих трудностей является противодействие двух одновременных процессов, происходящих на территории нашей страны и имеющих совершенно разную природу и социальные последствия.

Первой тенденцией является постепенное складывание единой нации, основанной на гражданской идентичности всех людей, проживающих на территории РФ. Статус гражданина РФ не является формальным, ничего не значащим признаком, а способствует формированию особого мышления, осознанию соответствующей совокупности прав и обязанностей, которыми наделяется каждый обладатель российского паспорта.

Однако параллельно наблюдается другая тенденция, которая заключается в этнизации сознания населения. Следует отметить, что данный процесс характерен не только для нашей страны на разных этапах ее развития, но и для всех многонациональных государств. Что касается РФ, то очевидна необходимость выработки новых шаблонов, в соответствии с которыми возможно развитие этносов в рамках единого многонационального государства, поскольку старые модели уже не работают и, более того, в некоторых случаях даже служат источником возникновения межэтнических противоречий.

На фоне всемирных глобализационных процессов формы межэтнического взаимодействия и культурного обмена видоизменяются,

подстраиваясь под текущие реалии современного мира. Формирование единого медиа-пространства, растущее влияние массовой культуры, экономическое развитие, сопровождающееся модернизацией общества и массовой урбанизацией, способствуют постепенному стиранию этнических различий, ослаблению влияния национальных обычаев и традиций, установлению всеобщих универсальных стандартов общественной жизни. Обозначенные тенденции вызвали неизбежные последствия, которые выразились в распространении этнического консерватизма, росте сепаратистских настроений, стремлении некоторых этносов к культурной и политической изоляции. Особенно отчетливо эти процессы проявились в новых государствах на территории бывшего СССР[3].

Для нашей страны скорейшая разработка верной стратегии межэтнической интеграции обусловлена, прежде всего, не научно-теоретическим интересом, а потребностями развития. Дальнейшая судьба России во многом зависит от того, насколько быстро можно будет достичь состояния общественной стабильности и преодолеть все существующие этнические противоречия, которые являются серьезным препятствием на пути социально-экономического и политического прогресса. Вот почему поиск наиболее эффективных решений, направленных на консолидацию многонационального российского общества, является одной из наиболее приоритетных задач, стоящих перед нашим государством.

Литература

1. *Тишков В. А.* О нации и национализме. Политические заметки // Свободная мысль. 1996. № 3.
2. *Семенова Ю.А.* Гражданская идентичность личности в глобализирующемся мире. Автореферат дис. ... канд. филос. наук. Челябинск, 2012.
3. *Муртузалиев С.И.* Проблемы идентичности кавказцев и россиян. Махачкала, 2010.

«Консолидирующая роль музея в развитии регионального социума»

А.Г. Колесникова

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

Российский музей занимает принципиально важную государственническую позицию и нынешний подъем музейного обмена в России не менее важен, чем другие формы культурной взаимопомощи.

Знакомство с культурой других народов, привитие понимания к обычаям других в сочетании с определением отнесенности к общероссийскому культурному полю и культурному наследию, делает музейную жизнь актуальной. Проявлением этого является позитивная динамика в работе музеев в национальных республиках России: Татарстане, Якутии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чеченской республике. Часто это связывается с историческими датами, но по существу при приобретении долгосрочного и постоянного характера, музей становится актором в системе поддержания межнациональных отношений в российском обществе.

Общий тон для народов России не подвергается сомнению, так как для большинства самой осязаемой является сильная связь с гражданами России, в среднем (58%)[1]. Лозунг «Россия только для русских» имеет в обществе значение для политических маргиналов, но его опасность заключается в том, что отсутствие на социокультурном пространстве музея, как хранителя культурных ценностей, дает повод для социальной конъюнктуры, убеждения в том, что в России наблюдается дискриминация культурного наследия, что презентативной культурой выступает только великорусская культура. Высокий уровень толерантности в российском обществе не должен приводить к ситуации самоуспокоения, самоустранения музеев от межэтнических отношений. Гармония межэтнических отношений входит в ряд важнейших показателей социальной консолидации общества, потому что тревоги по поводу нарастания межнациональной нетерпимости и непонимания, неизменно входят в тревоги массового сознания.

Общество, которое пережило недавние события на Северном Кавказе, межнациональные конфликты на постсоветском пространстве, сталкивается с ситуацией гражданской войны на востоке Украины, возникшей, как результат прихода к власти этнократов, заинтересовано в позитивном потенциале межнационального согласия в формировании общероссийской (политической) идентичности. Культура при этом становится важным аргументом политического единства. Агрессивные настроения, порождаемые неотлаженностью межнациональных отношений, могут приобрести националистическую окраску, вызвать случай перехода от настроений к реальным действиям, серьезные столкновения на национальной почве[2].

Можно говорить о том, что национальные проблемы являются следствием системных социальных проблем, того, что касается травмированности историческими событиями: распад Советского Союза, война в Чечне, дефолт 1998 года. Но, в целом, если выявить модальные причины и индикаторы межнациональной напряженности, очевидным является дефицит в обществе знаний о нормах межкультурного,

межнационального диалога. К сожалению, в прошедший период были утрачены контакты многих российских музеев с тем, что ранее воспринималось как национальная окраина, но в настоящее время, в силу разных обстоятельств, становится важными геополитическими, политическими регионами российской федерации. Еще один важный социологический факт: состояние межнациональных отношений во многом обусловлено сужением каналов социальной мобильности, в том числе и горизонтальной, повлекшей за собой профессионализацию и локализацию социального самосознания, утрату потребности в расширении культурных и познавательных горизонтов и доминирования в оценке межнациональных отношений исключительно местеческих и местечковых оценок и определений. Это сказывается на состоянии межнациональных отношений, что практически осознание принадлежности к общности россиян утрачивается, это место занимают архаичные клановые и сословные принадлежности, фиксирующие жизнь малых, часто конфликтующих с внешним миром групп. В этом же контексте следует говорить, что для российского общества настроенность на межнациональные отношения, как мы видели, предопределенно позитивна, но для россиян важным является наличие масштабных исторических проектов, имеющих консолидирующее значение, общеконсолидационным фактором является общее государство[3].

Культура, в этом контексте, выступает закрепляющим фактором, но учитывая то, что культура относится к наиболее значимым предметам исторической и национальной гордости россиян, то, что народы России получили определенные выигрыши в реализации своих культурно-символических потребностей, компенсирует ощущения исторических обид. Тем не менее, отсутствие осознания общего культурного вклада, культурной солидарности народов России имеет последствием негативную солидаризацию, ощущение дискриминации в культурном представительстве страны в целом. До сих пор в массовом сознании содержится конструкция ведущей роли Русской культуры, что в свою очередь справедливо обоснованно с точки зрения внесения культурно-цивилизующей миссии в развитии и укреплении народов России. С другой – создается впечатление периферийности, жизни в коммунальной иерархии культур постсоветского пространства.

В этом смысле, необходимо ощущать взаимосвязь между «внекультурной» дискриминации и возможностями этнополитической конфликтности. Известно, что националистические движения всегда начинаются с заявки на неудовлетворенность состоянием культуры и языка. Из этого выстраивается логика нарастающих требований, вплоть до

национального суверенитета. Вот почему музей, как институт, нуждается в укреплении инфраструктуры и в том, что называется политика господдержки, такого мнения придерживаются 85% россиян[4].

Данная позиция свидетельствует о том, что в российском обществе не утрачено понимание музея как центра социальной и культурной жизни, что музей видится не просто как хранитель культурного наследия, но и как институт оказывающий непосредственное влияние на формирование настроений массового сознания. В представлении россиян музей как проблемная зона в российском культурном поле, нуждается в обязательной финансовой и правовой поддержке, это связано и с тем, что музей осуществляет важнейшую коллекционную и сохранительную функцию в отношении культурных артефактов и с тем, что музей современен в том смысле, что формирует отношение общества в широком спектре вопросов, не ограничивающихся только высокой культурой. Исходя из положения о том, что музей репрезентирует общественную культуру и является структурой баланса между объективной и субъективной культурами, можно говорить о том, что уход музея из сферы межнациональных отношений, оборачивается, как показывает опыт 90-х годов, занятием этой сферы некомпетентными людьми, манкуртами, прожектерами, теми, кто используя авторитет культуры пытается навязать обществу некомпетентную точку зрения на происходящие процессы межнациональных отношений.

Для массового сознания очевидным является, что российская культура, которая внушает гордость каждому третьему россиянину [5], значима в налаживании межнационального диалога. Показательно, что массовая культура, входящая в повседневные практики россиян, не содержит консолидирующих моментов, а ссылки на унификацию, на формирование одинаковых потребительских установок, содержат риск обращения к архаичным национальным чувствам, в случае обострения межнациональной ситуации. Можно говорить о том, что только высокая культура с ее гуманистическим потенциалом объединения народа на основе базовых ценностей российской культуры, играет стабилизирующую роль в устранении межнациональных конфликтов. Примечательно, что именно уход Северного Кавказа, из сферы влияния российской (русской) культуры, деинтеллектуализация региона, когда многие представители творческой, в том числе и музейной интеллигенции переселились в центральную Россию или уехали за границу, привели к тому, что было расчищено поле для национального экстремизма, формирования альтернативы российской гражданской идентичности.

В нынешних условиях, формирование единого культурно-информационного и культурно-политических пространств связывается с определением того, какое место занимают музеи и какими способами могут взаимодействовать межнациональному миру, согласию и единству в российском обществе. Исходя из вышесказанного можно отметить, что специализированный эффект постепенно преодолевается: российский музей, независимо от профиля, объективно вносит вклад в развитие межнациональных отношений в стране. В то время, когда в интернет пространстве растет риск зон распространения национального экстремизма, а 45% россиян выступают за закрытие сайтов и материалов, разжигающих межнациональную рознь.

Становится ясным, что роль музея, как инструмента предоставления честной и объективной информации, связанной с историей межнациональных отношений в российской федерации, с тем чтобы исторические обиды и недоразумения не основывались на интерпретации культурного наследия и не осуществлялась выборочная перестройка музейной жизни. Характерно, что для сложившейся ситуации, музей может вполне «конкурировать» с другими инстанциями: политическими, религиозными, в том, что считается защитой национального достоинства, равноправия людей разных национальностей и вероисповедания проблема, которая занимает третье значимое место после преодоления социального неравенства и достижения социальной справедливости и наведения порядка в стране (80%) [5].

Если по отношению к общественному неравенству можно вполне полагаться на институты социальной политики, наведение порядка в стране связано с институтами законности порядка, то музей реально относится к институтом национального достоинства и равноправия. Во-первых, музей является зоной приобщения к культурным ценностям, независимо от национальности. Во-вторых, музей объединяет людей, обладающих культурой национальной терпимости и понимания. В третьих, музей представляет легитимную возможность для защиты интересов всего народа и не допускает практики насилия в межнациональных и межрелигиозных отношениях.

Литература

1. Гражданская и этническая региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М., 2013.
2. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. С.135-136

3. Гражданская и этническая региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М.,2013.

4. Состояние российской культуры в перспективе культурной политики в восприятии массового сознания. М. Циркон 2014 с.24

5. Гражданская и этническая региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М.,2013.

Особенности гармонизации межэтнических отношений в Российской Федерации

В.В. Кривоушков

Московский государственный университет им. Ломоносова, г. Москва

Рассматривая процесс гармонизации межэтнических отношений в одном из крупнейших в мире многонациональных государств, в котором проживают представители более 180 народов [1], важно помнить о том, что в формате современности проблема консолидации и солидарности в российском обществе стоит как никогда остро. «В обществе все явственнее созревает потребность в консолидации, россияне все отчетливее понимают, насколько необходима общенациональная консолидация.»[2] Для стабильного функционирования и роста государства, вопрос национальной идентичности, гражданского согласия, доверия всегда играл важную роль. Соответственно, для успешного культивирования идей взаимоуважения, доверия между этносами и культурами, нравственности, терпимости, единства и братства народов в исторических реалиях России должна быть грамотно определена роль государства в этих процессах.

Какие же предпринимаются действия на федеральном, региональном и местном уровнях для успешной реализации указа президента России «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»[3].

Как следует из данного указа: «Эффективность реализации государственной национальной политики Российской Федерации обеспечивается непрерывной и согласованной деятельностью государственных органов и органов местного самоуправления, институтов гражданского общества с комплексным использованием политических, правовых, организационных, социально-экономических, информационных и иных мер».[4]

На федеральном уровне, согласно с курсом гармонизации межэтнических отношений было подписано Распоряжение правительства

Российской Федерации от 15 июля 2013 года, №1226-р [4]. В нем прописано, что «Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года" утвердить прилагаемый план мероприятий по реализации в 2013 - 2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.» К данному распоряжению прилагается план, состоящий из восьмидесяти двух пунктов. В них отражены: наименование мероприятия; срок исполнения; ответственные исполнители; источники финансирования; задача Стратегии; индикаторы (количественные или качественные) для контроля исполнения мероприятия; документы, подтверждающие исполнение мероприятия; Распоряжение Правительства регламентирует, какие механизмы, когда, в какой срок, кем, за чей счет будут применены для гармонизации межэтнических отношений во всех субъектах Российской Федерации.

Активная работа по реализации государственной национальной политики ведется как на общегосударственном уровне, так и на уровне субъектов Федерации. Залогом эффективности этой работы является хорошо отлаженное взаимодействие региональных и муниципальных органов власти. Однако оно имеет место далеко не всегда. В Совет Федерации от законодательных органов субъектов Федерации поступили материалы, которые отражают их опыт в области взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления при реализации целей и задач национальной политики.

После анализа данных были выявлены проблемы в сфере взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления при реализации концепции государственной национальной политики до 2025 года.

Главная проблема – это неэффективность реализации государственной национальной политики на местном уровне. Вот, например, данные из письма законодательного органа Астраханской области. В декабре 2013 г. там был проведен опрос активистов национально-культурных общественных объединений, который выявил недостаточную эффективность именно местных администраций как центров, укрепляющих единство общества. Авторитетность в данном вопросе распределилась следующим образом: губернатору доверяет 50 % респондентов, полиции – 30 %, а местным администрациям – всего 10 %. [5]

Первая причина выявленной проблемы – это недостаточная бюджетная обеспеченность муниципалитетов. Она и раньше была, за редким исключением, довольно слабой. Теперь же, в условиях экономики санкций,

она просто не может стать лучше без активной поддержки со стороны государства.

Вторая причина пробуксовки государственной национальной политики на муниципальном уровне – это отсутствие квалифицированных кадров. Многие хорошие начинания на местах страдают, в том числе, и от этой проблемы.

Третья причина – это неурегулированность вопросов разграничения полномочий между уровнями власти. В России перераспределение полномочий идет непрерывно уже много лет, начиная с момента создания государства «Российская Федерация» в 1991 году. Вопросы гармонизации межэтнических отношений не стали исключением: несмотря на многолетнюю работу в этом направлении, полномочия до сих пор четко не разграничены. В результате, реализацией национальной политики на местах занимаются органы и учреждения, не обладающие ни соответствующей квалификацией, ни финансами, с нечетко прописанными полномочиями.

На государственном уровне должен утвердиться системный, взвешенный взгляд на межэтнические отношения, чтобы при разработке и проведении государственной национальной политики становились нормой опора на научный анализ и прогноз, учет общественного мнения и оценка последствий принимаемых решений.

Литература

- 1.Материалы переписи населения 2010 г. www.pereris-2010.ru
- 2.Волков Ю.Г., Кривоусков В.В. Доверие и креативный класс, Ереван 2013.
- 3.Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521>
- 4.Распоряжение правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 года, №1226-р www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1173_1.pdf
5. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, АНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 31 (549), М.,2014,с.69-70

Межэтнические противоречия Дагестана как барьер укрепления общероссийской идентичности в контексте общенациональной безопасности

А.А. Лобода

Южный Федеральный Университет, г. Ростов-на-Дону

Формирование российской идентичности. Для граждан России – это важнейшая политическая задача, нацеленная на единение полиэтничного, поликонфессионального общества, имеющего длительную историю в своем становлении и развитии [1].

Формирование общероссийской идентичности это конструкт, механизм гарантии национальных интересов страны. Это безопасность ее многонационального народа на национальном уровне. Чтобы твердо противостоять внешним угрозам, необходимо минимизировать факторы внутренних противоречий.

Основная внутренняя угроза страны, которая может послужить барьером укрепления общероссийской идентичности и в следствие подорвать общенациональную безопасность страны это деятельность сепаратистских и радикальных религиозно-националистических движений, этнические и межнациональные конфликты в РФ. В этноконфессиональном отношении (как и во многих других) Дагестан остается одним из самых проблемных регионов страны. Природа стабильно высокой конфликтности здесь принципиально иная, чем в других субъектах РФ.

Межэтнические противоречия в Дагестане (и не только в республиках Северного Кавказа, но и в других полиэтничных регионах страны), как пример дестабилизирующего фактора общенациональной безопасности России, который является барьером укреплению общенациональной идентичности страны.

Для преодоления кризиса российской идентичности необходимо следовать идеи единения народов России с целью ее возрождения как великой державы. Дух гуманизма, толерантность, сотрудничество между народами и культурами, межэтническая солидарность, религиозная терпимость – все это те необходимые объединяющие факторы единства, о которых в настоящее время мы стали забывать [2].

Литература

1. *Акаев Вахит* «О формировании национальной идентичности россиян» // Общественно-политическая газета Чеченской республики. 2014, №176.

2. *Жданов Ю.А.* «Солнечное сплетение Евразии». – 1999 // Социально-гуманитарные знания: Научно-образовательное издание. – 04/1999. – №4. – с.25-44. – Статья посвящена культуре народов Кавказа.

Социальная критика в контексте динамики межэтнических отношений в современной России

А.Г. Лурье

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Межэтнические отношения на постсоветском пространстве после распада Союза значительно ухудшились, прежде всего потому, что множество конфликтов и противоречий больше не сдерживала единая идеология и государственная система, в результате чего они перешли в явные фазы «горячего» конфликта. Соответственно возникает и ряд националистических дискурсов, логик этнонационалистических региональных идеологий. Всякая теория или доктрина ведет борьбу за приверженцев, стремится увеличить сферу своего «охвата», расширить «силовое поле» влияния. Формируется рынок идей – своеобразный символический рынок. В ситуации широкомасштабных перемен, которые неизбежно сопровождаются множеством «вызовов-ответов», самые разнообразные личные «акторы» становятся «интеллектуальными площадками», где конструируются идеологические практики. Да и в самой России оценка обществом межнациональных отношений оказалась дискуссионной, неоднозначной. Установка на «дружбу народов» была еще сильна долгое время у поколения, воспитанного еще в период СССР, но иные позиции постепенно набирали вес. Ситуацию крайне осложняет отсутствие четкой и внятной общероссийской идеологии, а как следствие – общего дискурса социальной критики в том числе и по вопросам межнационального взаимодействия в современной России. Задаваясь вопросом о том, кто в сегодняшней России производит идеологию, О.Ю. Малинова называет власть, средства массовой информации, политические партии, а также всевозможные дискуссионные клубы, Интернет-проекты и другие коммуникативные площадки. Особого внимания, по ее мнению, заслуживают политические партии, поскольку в современной России именно они все более явно стремятся выступать в качестве организующих факторов политики. Именно политические партии являются формой связи между гражданским обществом, где происходит обсуждение идей, и правительственными институтами, ответственными за реализацию политики [3].

Л. Гудков полагает, что российское общество, включая самую образованную и информированную его часть – население крупнейших городов, не обладает потенциалом солидарности и тем более навыками самоорганизации. Инерция советского опыта заставляет каждого выживать в одиночку, приспосабливаясь к произволу и обстоятельствам существования ценой снижения запросов и самооценки. У него нет ясных представлений о будущем, а раз так – то нет, по крайней мере, у большей части населения, - и воли к изменению сложившегося положения вещей, хотя оснований для недовольства более чем достаточно [4].

Кроме идеологического важно отметить значение такого фактора как экономический. Различие в уровне жизни, доходах и структуре производства национальных республик и центра, а особенно федерального центра весьма значительно. Наличие экономических и социальных проблем подталкивают национальные элиты к этнизации социальных конфликтов. Здесь суть социальных конфликтов, с одной стороны, состоит в борьбе между теми слоями общества, чьи интересы выражают прогрессивные потребности развития производительных сил, и, с другой - различными консервативными, отчасти коррумпированными элементами. Основные завоевания перестройки - демократизация, гласность, расширение республик и регионов и другие - дали людям возможность открыто высказывать свои и не только свои мысли на митингах, демонстрациях, в средствах массовой коммуникации. Однако большинство людей психологически, морально не были подготовлены к своему новому социальному положению. И все это привело к конфликтам в сфере сознания. В итоге "свобода", будучи используемой людьми с низким уровнем политической и общей культуры для создания несвободы иным социальным, этническим, религиозным, языковым группам, оказалась предпосылкой острейших конфликтов, сопровождающихся нередко террором, погромами, поджогами, изгнанием неугодных граждан "чужой" национальной принадлежности.

В этом ключе можно говорить о «камуфляжной» этничности – феномене маскировки экономических, политических или социальных противоречий под этнический конфликт. Так, например, этнонациональный дискурс этноэлит народов Севера вызван скорее спором хозяйствующих субъектов (центра и региона) по предмету природных ресурсов, чем действительно этническим самосознанием местных народностей.

Анализ трансформации межэтнических отношений позволяет проследить смену состояний социальных институтов и их деятельности, что приобретает особую актуальность в условиях отсутствия должным образом функционирующих институтов, обеспечивающих артикулирование и

агрегирование интересов граждан, что становится препятствием на пути реформирования всей системы общественных отношений и канализирует борьбу за свои интересы в русло этнической риторики.

Еще одним важным фактором отражения межэтнических отношений в социальной критике является значительно усложнение общества в постсоветский период. Сложное общество создает ситуацию неопределенности, в которой общество начинает обращаться к историческим корням, естественным связям, наиболее четко выраженным в этнической самобытности. Еще в начале XX столетия общественный прогресс ассоциировался с той или иной конкретной детерминированностью внешнего характера и «прогрессивным» восхождением от «низшего» к «высшему», что выражало линейную историческую социальную и культурную преемственность. Все отклоняющееся, случайное рассматривалось как временное и преходящее, а парадоксы и разрывы социума, тем более кризисы и катастрофы цивилизаций – как исключение. В сложном же обществе точки бифуркации, за которыми следует неопределенное развитие, становятся нормой. Базовые характеристики современных обществ ныне подвержены «стреле времени», становятся неустойчивыми, неравновесными, открытыми, а динамика все более обретает характер усложняющегося взаимодействия саморазвивающихся систем. Результатом тому становится конец знакомого мира и образование мира сложного, нелинейно развивающегося [2].

С.А. Кравченко исходит из того, что общества, перейдя определенный порог развития, вступают в состояние сложного социума. В структурно-функциональном и ценностном плане подобные общества становятся качественно иными, а их социокультурная динамика все более обретает черты нелинейности: изменения начинают происходить под влиянием факторов в виде «вдруг-событий» (Ж. Деррида), через парадоксальные разрывы и синтезы, саморефлексии, непредсказуемые случайные флуктуации, точки бифуркации [3].

В свою очередь, известный отечественный культуролог и философ А.С. Ахиезер обращал внимание на то, что с усложнением общества, умножением его частей и параметров возникают препятствия на пути его познания. Условие преодоления подобной опасности — попытаться вывести познание общества, переживающего процессы усложнения, на новый уровень [1].

Таким образом, можно заключить, что социальная критика несет отражение межэтнических отношений не только в связи с потребностями этнических групп, а по большей мере под воздействием социальных,

экономических и психологических проблем социальных групп и индивидов. В новейшей истории России этнический «камуфляж» часто использовался для канализации общественного недовольства в период масштабных проблем транзитивного периода. В современной России этнокомпонент в социальной критике активизируется прежде всего в периоды политических и экономических кризисов, что наглядно видно на столкновении дискурсов обсуждения ситуации с конфликтом на Украине. Либеральный дискурс в своей массе не содержит указания этнического характера внутриукраинского конфликта, упирая в основном на гражданскую идентичность, политические и юридические стороны вопроса. Основа же «патриотического» дискурса – фокусирование на этническом противостоянии и глубоком «кровном» характере противоречий сторон, вне зависимости от того, осуждается ли противостояние или нет.

Хотя можно заметить, что отражены в социальной критике и традиционные «реальные» этнические конфликты (вроде обсуждения карабахского конфликта).

Можно сделать вывод, что социальная критика в современном российском обществе отражает скорее идеологический конфликт между различными группами интересов российского общества, чем реальные межэтнические противоречия между различными этносами России.

Литература

1. *Ахиезер А.С.* Россия – сложное нелинейное общество. Рецензия// Отечественные записки, 2003, № 4.
2. *Кравченко С.А.* Становление сложного социума: востребованность новых подходов к его исследованию//Гуманитарий Юга России, 2012, № 2, С. 30-32.
3. *Молчанов К.В.* Экономико-философские идеи в модернизирующейся России. – Ростов-на-Дону, 2007, С. 144-145.
4. Политическая ситуация и общественные настроения в России. Год после выборов: начало застоя или временное затишье? Фонд «Либеральная миссия»//<http://www.liberal.ru/2013/06/19/>

Ростовская область как центр межэтнического соприкосновения и межкультурной коммуникации на Юге России

В. В. Макаров

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

В современном полиэтничном пространстве проявляются две взаимосвязанные тенденции. Одна проявляется в экономическом, политическом и культурном сближении наций. Национальные границы становятся все более открытыми, процесс взаимодействия между народами и культурами более интенсивным и динамичным. В мире практически не осталось моноэтнических государств. С другой стороны, сохраняется и даже растет стремление ряда народов обрести национальную самостоятельность, противостоять экономической, политической и культурной экспансии сверхдержав.

Усиление миграционного процесса на сегодняшний день является одним из важнейших факторов обострения межнациональных отношений в Российской Федерации. Проблема государственного регулирования межнациональных отношений является достаточно актуальной. От того как разрешатся проблемы межнациональных отношений в значительной мере зависит спокойствие и благополучие людей, судьба государства. Поэтому государству нужно принимать меры по приведению сложившихся межнациональных отношений в норму, решению проблем, скопившихся в этой сфере, на основе установления сотрудничества и дружбы народов. В основе межкультурной коммуникации, безусловно, находится культура. Культура может рассматриваться как общая, универсальная для общества (этноса, нации) система ценностных ориентации, стереотипов сознания и поведения, форм общения и организации совместной деятельности людей, которые передаются от поколения к поколению. Она оказывает влияние на восприятие, мышление, поведение всех членов общества и определяет их принадлежность к данному обществу. В этой интерпретации культура предстает как целостность, отличающаяся от других благодаря религиозным, национально-государственным границам или набору этнических признаков. Такое понимание культуры является и наиболее функциональным с точки зрения рассматриваемой темы – межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация характеризуется тем, что при встрече представителей разных культур каждый из них действует в соответствии со своими культурными нормами. Классическое определение дано в книге Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура», где межкультурная коммуникация понимается как адекватное взаимопонимание двух участников

коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [1, С. 26].

Ростовская область является важнейшим культурным, научно-образовательным, промышленным центром и важнейшим транспортным узлом Юга России. Донской регион исторически многонационален. На его территории проживают представители более 150 народов и этнических групп, официально зарегистрировано более 30 национально-культурных автономий. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года русские составляют 90,34% от общей численности населения. Около 10% – другие этнические группы населения: армяне – 2,64%, украинцы – 1,85%, турки – 0,85%, азербайджанцы – 0,43%, цыгане – 0,4%, корейцы – 0,28%, чеченцы – 0,27%, даргинцы – 0,2% и т.д. В настоящее время Ростовской области относится к числу регионов с положительным миграционным приростом населения. В 2015 году отмечалось увеличение миграционной активности населения области: объем миграции (сумма прибытий и выбытий с учетом внутриобластной миграции) увеличился по сравнению с 2014 года на 4,6 процента. Миграционный прирост населения Ростовской области в 2015 году составил 1602 человека. В то время же данный показатель оказался существенно меньше аналогичного, зафиксированного в 2014 году. Тогда он составлял 4896 человек.

Особенностью проживания малых этнических групп населения на территории Ростовской области является то, что они проживают как концентрированно в ряде муниципальных образований (прежде всего в 17 полиэтничных юго-восточных муниципальных районах области), так и дисперсно на всей территории области [2]. На данный момент сфера межэтнических отношений и кросс-культурных коммуникаций в Ростовской области в целом характеризуется властью как стабильная и управляемая. При этом в нескольких районах области, где значительную долю составляет некоренное население, периодически возникают проблемы межэтнических отношений. Данные социологических исследований также фиксируют рискогенный характер межэтнических взаимодействий в регионе. Так в октябре-ноябре 2015 года сотрудниками Института социологии и регионоведения было проведено исследование, в рамках которого были опрошены 851 человек. Более половины всех респондентов (50,0%) оценивают межнациональные отношения в нашей стране в настоящее время как «внешне спокойные, но внутренне напряженные». В целом, в негативном ключе видят межнациональные контакты 65,8% респондентов, и только 15,2% рассматривают их как доброжелательные или как спокойные.

С одной стороны, изменение этнического состава населения области главным образом за счет увеличения численности мигрантов-неславян из республик Северного Кавказа, государств Южного Кавказа и Средней Азии внесло определенные коррективы в характер межэтнических отношений в регионе. Представителей народов Кавказа отличают достаточно высокая степень этнической сплоченности и развитая структура внутриэтнических связей. В ряде случаев эти этнические группы имеют более высокий уровень жизни. Острое недовольство населения области вызывает и активная миграция жителей Южного Кавказа и Средней Азии, надеющихся при помощи родственных связей закрепиться здесь на постоянное место жительства.

С другой стороны, Ростовская область во многих сферах теснейшим образом связана с юго-восточной территорией Украины: история, география, социально-экономические отношения. С момента присоединения Крыма и начала конфликта на Донбассе, Российская Федерация оказалась в кардинально новой для себя геополитической ситуации. Ростовскую область же данная ситуация затронула едва ли не в первую очередь. Регион стал местом массового притока беженцев с юго-востока Украины, как транзитного, так и в качестве места постоянного пребывания – на данный момент численность временных переселенцев с украинским паспортом в Ростовской области составляет до 40 тыс. человек, и это только по официальным оценкам. Безусловно, приток такого количества человек с юго-восточных областей Украины вызвал ряд осложнений в межкультурной ситуации в области. Довольно слабое понимание всего масштабного комплекса проблем, приведших к превращению региона в фактически прифронтовую территорию, а также того факта, что Донбасс и его жители представляют собой не зарубежье (что верно формально, но не фактически) привело к определенному недовольству жителей Ростовской области. Это недовольство искусно использовалось и раздувалось силами, стремящимися к максимальной дестабилизации ситуации на локальном и общероссийском уровне, к появлению враждебности между гражданами РФ и жителями Донбасса.

Сегодня, в Ростовской области этническое многообразие настолько богато, что требует многогранной и углубленной работы. Рост этнического состава населения области находит свое отражение и в росте числа этнических общественных объединений и организаций. Такие организации, безусловно, играют важнейшую воспитательную и культурную роли. «Этническая палитра Ростовской области – это наше культурное богатство, стратегический потенциал, но это и «тонкая нить», от крепости которой

зависят мир и согласие, традиционно царившие на Дону. Воспитывать уважительное отношение к людям разных национальностей надо с самого детства», – считает экс-замгубернатора Ростовской области Виктор Гончаров [3].

Таким образом, Ростовская область, обладая уникальным географическим местоположением и наличием развитых политических, экономических и культурно-образовательных сред, является важнейшим центром притяжения многих народов и этносов. Вопросы регулирования межнациональных отношений, профилактики межэтнических конфликтов требуют продуманных, взвешенных, обоснованных подходов и каждодневного внимания со стороны всех органов власти, институтов гражданского общества. Одной из ключевых задач органов управления Ростовской области является поддержка сферы взаимодействия этнических объединений с областными и местными органами власти, что в совокупности с процессами кросс-культурной коммуникации между представителями разных этносов обеспечит этнополитическую стабильность в регионе.

Литература

1. *Василик М.А.* Основы теории коммуникации. М.: Гардарики, 2003. 615 с.
2. Правительство Ростовской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.donland.ru/Socialnaya-sfera/Nacionalnye-otnosheniya/?pageid=77513>.
3. Информационное агентство regnum [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/1745970.html>.

Конструирование национальной идентичности: новые коммуникативные практики

В.И. Немчина

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Сегодня особое значение приобретает символический измерение идентичностей, поскольку современные социально-территориальные группы (национально-государственные, региональные, этнические, религиозные), могут поддерживать свое существование как устойчивые сообщества лишь за счет соотнесения каждым из членов себя с определенными символами, в которых фиксируется единство этого сообщества. Континуум коллективных символов позволяет выделять, описывать, утверждать образ, и,

следовательно, воспроизводить групповую идентичность и группу [1]. Символическая сторона конструируемых идентификационных матриц представляет собой крайне противоречивую, иной раз хаотичную сферу, в которой сочетаются символы различных эпох российской истории (древнерусские, имперские и советские символы), разных политических идеологий (либеральные и социалистические), религиозные и языческие символы (руны, кресты, солярные символы и т.д.).

Современное общество создает новые формы коллективности с помощью все новых способов коммуникации на основе обновляющихся социально-политических, научных, эстетических и других интересов. Спектр используемых средств коммуникации и визуальных форматов символического отражения повседневных практик современного человека становится все разнообразнее. Так, Hi-Tech формы коммуникаций, с одной стороны, исключают прямые человеческие контакты, – усиливают значение коллективных инструментариев общения: языка, техники, искусства, с другой. С помощью Hi-Tech человек получает свободу от ограничений в пространстве, времени и дистанции между людьми. Они позволяют обходить властные иерархии, обеспечивают доступность к любым культурным ценностям, тем самым провоцируют понижение значимости привязанности к географическому, экономическому и культурному. Например, Интернет, интегрированные мобильные системы. Сегодня они приковывают и сопровождают человека в мире повседневности при этом, пока не изменяя природу человека, изменяют характер сообществ, способы конституирования определенных ценностей и стилей жизни, формируя искусственные коды коллективной идентичности. Цифровой формат стирает границу между личностью и социальной средой и становится непонятно где человек, а где окружающие его культурные артефакты [2].

Коллективность современного сообщества порождается не эволюционным процессом кристаллизации взаимосвязей между социальными субъектами, а «привязанностью, которую они открывают, причем не просто как атрибут, а как составную часть своей идентичности»[3]. Можно констатировать факт, что современный человек создал для себя новый мир за счет современной, определяемой наукой и техникой формы своего повседневного существования, который, воздействует на все его бытие-в-мире и отражает кризис индивидуальной идентичности, спорадичность практик коллективного бытия. Такая привязанность к символическому миру высокотехнологичных порядков возникает как способ интеграции личности в общество, где ее формы от семьи до мировой цивилизации и человечества оказываются сегментами динамической социальной реальности, в которой

ищет себя человек. На смену аскриптивным общностям, основанным на предписанных социальных связях, приходят виртуальные сообщества, основой которых является параллельное переформатирование в цифровой код внешнего мира и перепрограммирование в цифровой код индивидуальности, включения ее в информационную матрицу в пространстве всемирной сети.

И если сегодня мы говорим о влиянии на личность информационных ресурсов мира, то о процессах конструирования идентичности в изначально виртуальном пространстве необходимо задуматься, поскольку начало XXI века и развития Нетократии, то есть общества, в котором статус актора определяется положением в сети, привело к тому, что Интернет стал платформой для восстановления и демонстрации идентичности. Пример подобных процессов наблюдается в пространствах подобных Second Life (трехмерный виртуальный мир с бесплатным доступом, в котором можно строить, дружить и общаться с помощью голосового и текстового чата).

Оценивая влияние глобальных медийных трендов на национальную общность, в том числе российскую, можно отметить вытеснение форм социального взаимодействия, присущих данной национальной общности, неким стандартом, характерным для глобального взаимодействия и одновременно усиление тенденций со стороны и власти, и населения к утверждению значимых и признаваемых культурно-патриотических смыслов, как гарантов жизнеспособности и устойчивости российского общества. Конструирование национальной идентичности в новом формате приобретает форму политизации культурных различий. А в групповом сознании этот процесс отражается программируемым гибридом. С одной стороны, люди все чаще начинают мыслить в категориях общей судьбы, общих угроз и надежд – появляется территориальная идентичность («мы – евразийцы»). С другой стороны, глобализация мобилизует оборонительное сознание, направленное на защиту утраченной или утрачиваемой культурной самобытности, собственных обычаев, традиций, верований, образа жизни, что усиливает национальную идентичность («мы – россияне»). В институциональной практике примерно в одинаковой мере распространены процедуры конструирования коллективных форм идентичности на основе символизации исторически сложившихся («привычных») элементов идентификаций и процедуры конструирования идентичностей на основе критики исторических традиций и символизации оппозиционных, подчас «чужих» смыслов. Практически все акторы с переменным успехом и в зависимости от возможностей пользуются всем спектром коммуникативных

средств: традиционными СМИ, новыми медиа, визуальной коммуникацией, символическими механизмами и т.д.

Сама конструирующая активность современного человека выступает в виде напряжённого противоречия, детерминированного объективацией современного существования в определенных, заданных сетях значений. «В новых обстоятельства, - отмечает З. Бауман, - основная часть жизни индивидуума и большинство человеческих жизней пройдут в мучительном выборе целей, а не в нахождении средств их достижения, не требующих размышлений... Когда не существует высшего ведомства, присматривающего за порядком и охраняющего границы между правильным и неправильным, мир становится огромным набором возможностей» [4]. Мода, компьютерная игра, социальная сеть, электронное правительство – эти и многие другие формы организуют вполне содержательную среду обитания и восприятия современных людей. Их влияние на восприятие отдельного человека определяется тем, что они, материализуясь во вполне реальные объекты, активизируют компоненты воображаемых коллективных идентичностей и формируют готовность к действию согласно принятому групповому социальному коду. «Разделяемые» членами той или иной социальной группы, которые «скорее формируются через взаимные влияния, через имплицитные переговоры, по ходу которых люди обязывают себя к особым символическим моделям, образам и разделяемым ценностям. Делая это, они приобретают и некий общий репертуар интерпретаций и объяснений, правил и процедур, которые могут применяться в повседневной жизни...» [5].

Современное российское общество транслирует включенность в общемировые тренды развития (тотальность консюмеризма, универсальность информационных технологий и т.п.), а с другой стороны, очевидна работа ностальгического мифа об «особом пути» России и устойчивом окончании «темных времен», с приходом новой мессии в виде лидера властной элиты – харизматической пассионарной личности. А соединение технологий шоу с политическими технологиями многократно усиливает спрос на мифологизированную реальность.

При современном уровне социальной дифференциации в российском обществе и дискредитации институциональных практик интеграции частных интересов представляются в высшей степени условными сформировать объективное представление о национальном единстве у населения. Ориентация самих россиян на «за-граничный» потребительский оптимизм требуют придания повседневности развлекательного характера. Культурно-информационные технологии превращают социальные практики в

режиссируемые ток- и реалити-шоу. Такая трансформация социальной реальности одновременно блокирует процессы коллективной самоорганизации на локальном уровне, где они часто оказываются бессмысленными в своей фрагментированности и неспособности к интеграции на общенациональном уровне, и, делают неэффективными созданные «сверху» конструкты общих интересов. А сомнения в «подлинности» общих интересов способны в сложившихся условиях разрушить «символический каркас» российского общества.

Новые информационные и коммуникационные технологии порождают новых акторов и новые форматы представлений и удерживания гибридных образов национальной идентичности. Выбор средств, каналов коммуникации продиктован преимущественно инструментальными соображениями: необходимостью доступа к конкретным целевым группам, величиной издержек, иными барьерами и возможностями. Не маловажным сегодня является имиджевая составляющая – стремление соответствовать духу времени в отношении современных коммуникативных инструментов. Так, глобальные сюжеты все более деидентифицируют членов национального сообщества, перемещают их из определенного пространства непосредственных коммуникаций в сферу взаимодействий скорее смыслов, присутствующих в массовой коммуникации. Утверждать, что в формировании национальной идентичности акторы, продвигающие различные позиции, выстраиваются относительно разных каналов коммуникации, нельзя. Новые коммуникативные практики, связанные с коллективным осмыслением меняющейся социальной реальности и интернализацией этого осмысления индивидами, могут быть запущены в привычной, традиционной коммуникативной среде не обязательно основанной на новейших технологиях, но обязательно отраженных в актуальном формате.

Новые коммуникативные практики и возможности характеризуют объективный процесс вхождения России в цифровую эпоху, где новый формат представления символического универсума повседневных практик превращает их в коммуникативный инструмент запрограммированного коллективного осмысления реальности. Цифровая эпоха переформатировала цель государства - уход от патерналистской модели и превращение россиян в «настоящих граждан» посредством реализации «электронного», «открытого» правительства как изменение принципов, практики взаимодействия с гражданами. Государственный аппарат достаточно медленно осваивает порталы, блоги, сети и прочие инструменты электронного взаимодействия,

т.е. то, что конвенционально принимается как новые инструменты и средства коммуникации.

Новации предлагаются гражданам, но их освоение, в том числе и смысловое, мотивируется расширением индивидуальных инструментальных возможностей людей. Кроме предложения новых технических средств взаимодействия, российское государство не использует их возможности, не запускает дискурсивные практики по этому поводу, инициируемые другими акторами (националистами, экстремистами и другими неконтекстными группами). В результате освоение гражданами новаций не запускает процесс переопределения смысла самого государства и взаимодействия с ним. Новейшие коммуникативные практики, связанные с новыми технологиями, могут не запускать процесс коллективного осмысления идентификационной матрицы в ее национально-патриотическом сегменте, что блокирует и изменение социальной реальности, и интернализацию осмысленных изменений индивидом.

Литература

1. Symbolic Construction of Community // Blackshaw T. Key Concepts in community studies. SAGE Pub Ltd. London. 2010. P. 124-130.
2. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: Центр, 1997. 432 с.
3. Sandel M. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 150
4. Бауман З. Текущая современность. Пер. с англ. СПб.: Питер, 2008, с.69
5. Московичи С. Социальное представление// Психологический журнал, №2, 1995.

Профилактика конфликтогенного потенциала миграции:

этноинституциональный подход

Д.Н. Стукалова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Миграционные процессы имеют множество аспектов – экономический, стратификационный, культурный, межпоколенческий и прочие. Однако в современных условиях, одним из наиболее заметных, общественно значимых аспектов последствий миграции, является нарастание напряженности отношений между представителями разных этнических групп [1]. Так, согласно первому рейтингу межэтнической напряженности в регионах России, составленному Центром изучения национальных конфликтов (ЦИНК) и «Клубом регионов», с сентября 2013

г. по март 2014 г. в стране произошло 570 этнически мотивированных конфликтных ситуаций, основными причинами которых стали «неконтролируемая миграция, социально-экономическая депрессия и отсутствие внятной национальной политики» [2].

Ключевым здесь является следующий редуцирующий вопрос: почему это происходит само по себе? Одним из наиболее очевидных является следующий ответ: если в стационарном состоянии, когда этнические институты данной общности не подвергаются «испытанию», вызовам со стороны иноэтнических мигрантов, этническая идентичность и самосознание находится в определенном гомеостазисе; однако социальный контакт между представителями различных этнических групп в условиях отсутствия выработанных конвенциональных правил, одинаково привлекательных и значимых для данных этнических групп неизбежно приводит к противоречиям, прежде всего, между этноинститутами.

Для того чтобы инструментализировать данную общую гипотезу, можно предложить следующий набор частных гипотез относительно взаимодействия этноинститутов в контексте этнической миграции:

а) уровень враждебности и напряженности среди принимающего населения по отношению к мигрантам снижается, если оно чувствует понимание и уважение к местным культурным нормам со стороны мигрантов;

б) для различных миграционных потоков характерны различные уровни конфликтогенности, которые определяются, главным образом, готовностью мигрантов следовать сложившимся институциональным (в широком смысле) правилам – способам реакции на конфликтные ситуации, способам разрешения конфликтных ситуаций, готовностью подчиняться правовым нормам, культурным нормам и т.д.;

в) мигрант, не прошедший стадию адаптации и интеграции, находится в своеобразном поле конкуренции институциональных норм – выработанные местным сообществом нормы конкурируют в его поведенческих моделях с нормами, выработанными диаспорным сообществом, нормами предыдущего места проживания и нормативно-правовой регламентацией со стороны государства;

г) подобная конкурентная ситуация может восприниматься мигрантом как ситуация неопределенности, что способствует росту непредсказуемости его поведения, снижению авторитета местных социальных институтов;

д) диаспоры должны выполнять буферную (смягчающую) роль в этом процессе, сначала переводя понятийный и нормативный «язык»

местных институциональных и культурных норм на понятную для мигранта систему культурных и психологических координат, повышая тем самым их авторитет, а затем интегрировать самого мигранта в местное институциональное поле, посредством привития адаптивных поведенческих моделей;

е) обучение иностранных мигрантов русскому языку и культуре, местным обычаям и нормам обладает высоким социализирующим потенциалом, более интенсивная реализация которого позволит вакцинировать значительную часть возможных межнациональных противоречий, создаст позитивные образцы интеграции для вновь прибывающих мигрантов, распространение информации о которых будет осуществляться через сети самих мигрантов.

Научная значимость сформулированных для проверки гипотез заключается в том, что они позволяют концептуализировать различные стадии процесса интеграции и адаптации мигрантов в контексте проблемы прогнозирования и управления конфликтогенным потенциалом миграции, а также получить количественную эмпирическую оценку данного потенциала. Использование возможностей теоретического языка неинституционализма для исследования по большей части стихийно и отрывочно воспринимаемых общественным мнением и органами государственного управления процессов миграции позволит создать понятийную базу, увеличивающую «прозрачность» социальных процессов, связанных с воздействием мигрантов на принимающее сообщество.

Литература

1. Барков Ф.А., Сериков А.В. Этноинституциональные факторы межэтнических отношений в контексте миграционных процессов в Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2014. № 3.
2. Городецкая Н. Москва и Петербург вышли в лидеры розни: Подготовлен первый рейтинг межэтнической напряженности регионов // Газета «Коммерсантъ» № 63 от 14.04.2014.

Азербайджанская диаспора в России: региональный аспект

А.А. Терещенко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Юг России исторически формировался как территория, на которой проживали различные народности. На сегодняшний день особое место в многонациональном составе этого региона занимают диаспоры, которые стали образовываться в различных исторических контекстах. В Ростовской области наиболее многочисленными среди них являются армянская, греческая, корейская и турецкая диаспора. Кроме того, существенную роль в миграционных потоках играют азербайджанцы, которые в свою очередь не обладают чертами диаспорного народа, а их история не связана с массовыми переселениями [1]. В данной статье рассматриваются динамика развития азербайджанской диаспоры в России, региональные аспекты по Ростовской области и некоторые риски этноконфликтности в регионе.

Миграции азербайджанцев из Азербайджанской республики в Россию были характерны еще в царское время. Далее проходило несколько волн миграции в СССР: первая характеризовалась притоком мигрантов-нефтяников в Западную и Восточную Сибирь на основные месторождения, вторая располагалась по направлению Баку-Москва, которая включала в себя переселение молодежи, студентов [2]. Тогда приезжие обладали высоким интеллектуальным уровнем и становились знаменитыми врачами, писателями, крупными промышленниками, журналистами, адвокатами. Таким образом, некоторая часть азербайджанцев оставалась на Юге России, не доходя до Москвы, в том числе и в Ростовской области. Следующие волны миграции пришлись на период после развала Советского союза. Причин этому было несколько: тяжелый экономический кризис Азербайджанской республики в 90-ые годы, развал интеграционных хозяйственных связей с Центральными и Западными районами Союза (потеря рабочих мест), кризисные явления этнополитического характера между Арменией и Азербайджаном. В результате в Россию переселились 720 тыс. мигрантов. На этот раз приезжие обладали гораздо более низким уровнем образования, и проблематичной стала интеграция в крупные мегаполисы. На сегодняшний день ежегодная миграция составляет примерно 50 тыс. человек. Районами расселения азербайджанцев являются крупные города РФ, в частности, Ростов-на-Дону.

В начале 2000-ных стали создаваться организации, работающие на интеграцию азербайджанской диаспоры в России, направленные на сохранение и пропаганду азербайджанских ценностей. Среди них особенно

популярны Всероссийский азербайджанский конгресс, Федеральная национально – культурная автономия азербайджанцев в России (ФНКА АЗЕРРОС) и общество «Очаг» («Оджаг») [2]. Кроме того, в различных субъектах Юга России сложились так же национально-культурные объединения азербайджанской диаспоры: в Северной Осетии и Дагестане – «Азери», в Краснодарском крае – Краевое общество азербайджанской культуры «Билик» и т.д. В 1997 г. была создана Ростовская региональная общественная организация «Азербайджанская община», которая действует и сейчас. Несмотря на поддержку исторического развития, культурных особенностей азербайджанского народа, организация так же старается развивать и поддерживать дружеские связи с народами Дона, другими национально-культурными объединениями [1].

Динамика миграций азербайджанцев в Ростовскую область относительно однородна. В Мартыновском районе их доля составляет 3,4% от общей численности населения, в Красносулинском – 2,5%, в Волгодонске – 0,9%, в Ростове-на-Дону – 0,4%. Большой всплеск наблюдается в 2008-2009 годах в связи с мировым экономическим кризисом. В таблице видна явная маятниковая нестабильность – прибывших в разы больше, чем убывших в течение годового цикла. Это означает, что азербайджанская диаспора Ростовской области постепенно увеличивается. Кроме того, если ранжированный состав населения области по наиболее многочисленным национальностям в 2002 году ставил азербайджанцев на 7 строку после русских, украинцев, армян, турок, белорусов и татар, то в 2010 году они поднялись на 5 строку, опередив белорусов и татар [4; 8].

Табл. 1. Международная миграция азербайджанцев в Ростовскую область¹

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Прибыло	140	181	408	589	520	246	240	270	408	491
Выбыло	15	25	34	18	13	19	21	18	53	133

¹ Источник: Ростовская область 2007: Статистический сборник/Ростовстат. Ростов-н/Д, 2008 С. 45.; Ростовская область 2009: Статистический сборник/Ростовстат. Ростов-н/Д, 2010; Ростовская область 2010: Статистический сборник/Ростовстат. Ростов-н/Д, 2011; Ростовская область 2012: Статистический сборник/Ростовстат. Ростов-н/Д, 2013; Ростовская область 2013: Статистический сборник/Ростовстат. Ростов-н/Д, 2014. С.47; Ростовская область 2014: Статистический сборник/ Статистический сборник/ Ростовстат. Ростов-н/Д, 2015. С.61.

Таким образом, увеличение численности азербайджанцев в Ростовской области может привести к повышению этноконфликтности по нескольким причинам.

Как уже было указано выше, низкий уровень образования современных мигрантов обуславливает низкую способность к интеграции в региональный социум. Так же у азербайджанской диаспоры сохраняется традиционная высокая рождаемость и многодетные семьи, что связано, прежде всего, с религиозной мусульманской традицией. Хотя ислам и христианство традиционно не конфликтующие между собой религии, массовое празднование некоторых мусульманских праздников (Ураза байрам, Курбан Байрам) или ежедневный намаз у мечети могут повлечь за собой локальные конфликты.

Другой этноконфликтный фактор – это историческое противостояние Армении и Азербайджана [1]. В Ростовской области армянская диаспора занимает особое место в силу исторического развития. Еще в 1779 году по указу Екатерины II крымские армяне были переселены на земли между Азовом и крепостью Дмитрия Ростовского, позднее именуемой Ростовом. Один из основанных городов был назван в память священного города Великой Армении, Нахичеваном. В настоящее время Нахичевань-на-Дону стала частью современного города Ростова-на-Дону. Относительно конфликта между двумя народами, существуют доказательства, подтверждающие историческую принадлежность территории Нагорного Карабаха, как Армении, так и Азербайджану. Основную часть населения составляют там армяне и распространена армянская культура. Однако, согласно административно-территориальному делению Азербайджанской республики, Нагорный Карабах является частью Азербайджана. Это противостояние проецируется не только на население непосредственно Армении и Азербайджана, но и на диаспоры этих этносов. Кроме того, азербайджанцы имеют тесную этническую связь с турками. Как известно, в 1915 году произошел крупномасштабный геноцид армян, который до сих пор не признается в Турции. Так же оба народа исторически концентрировались в сфере торговли, а монополизация рынков одним из этносов может привести к проблемам межэтнических отношений [1].

Подводя итоги, можно отметить, что азербайджанская диаспора в Ростовской области стала существовать и расти относительно недавно. Это было обусловлено необходимостью трудовой миграции, а так же для обеспечения безопасности в условиях Нагорно-Карабахского конфликта. Однако постепенное увеличение азербайджанцев может повлечь за собой межэтнические конфликты, связанные с поддержанием культурных традиций

и слабой интеграцией в региональный социум, а так же с армянской диаспорой.

Литература

1. *Асвацатурова М.А.* Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион) Ростов-на-Дону – Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002.
2. *Измоденов И., Караваяев А.* Азербайджанская диаспора в России/ Известия, М., 2006 С. 79-86.
3. *Полуянов В.К.* Внешние и внутренние факторы жизнедеятельности диаспор в Ростовской области/ Тезисы докладов региональной конференции «Системные исследования современного состояния и пути развития Юга России (природа, общество, человек)». Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006.
4. Ростовская область 2007: Статистический сборник/Ростовстат. Ростов-н/Д, 2008.
5. Ростовская область 2009: Статистический сборник/Ростовстат. Ростов-н/Д, 2010.
6. Ростовская область 2010: Статистический сборник/Ростовстат. Ростов-н/Д, 2011.
7. Ростовская область 2012: Статистический сборник/Ростовстат. Ростов-н/Д, 2013.
8. Ростовская область 2013: Статистический сборник/Ростовстат. Ростов-н/Д, 2014.
9. Ростовская область 2014: Статистический сборник/Ростовстат. Ростов-н/Д, 2015.

Конфликтогенные факторы межнациональных отношений в регионах России

Г.В. Трофимов

Южно-Российский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону

Вопрос о межнациональных отношениях и конфликтах в наши дни стоит на первом месте. Острая проблема межнациональных конфликтов является на мой взгляд важнейшей причиной разложения целостности Российского общества и государственности, что неминуемо приведёт к гибели государства и гражданской войне.

Природа национальных (или национально-этнических) конфликтов вытекает из характера этносов и наций как государственно-политических,

социально-экономических и социокультурных общностей людей, комплексных, многосторонних взаимоотношений между ними. В конечном счете, конфликты вырастают на почве противоречий между интересами этнонациональных общностей. Интересы же формируются: в случае этноса – как интересы замкнутой групповой организации людей и группового мышления, где индивид не отделяет себя от группы, и для него любая иная группа выступает в качестве враждебной, «чужой» по отношению к своей; для нации – как интересы более широкой, не замкнутой, но все же обособленной, самостоятельно существующей, государственно оформленной или оформляемой общности, приобретшей (или приобретающей) свою социально-экономическую и социокультурную основу.

Противостояние одного этноса другому порождается их групповой замкнутостью, отсутствием связующих ценностей, побуждающих этносы к взаимному сотрудничеству. Только единые религиозные верования либо длительное сосуществование в рамках какого-либо социального пространства могут блокировать враждебность этносов и создавать предпосылки для слияния их в национальное образование (как это происходило в Европе). Конфликтность во взаимоотношениях между нациями возникает в условиях ущемленности интересов одной и господства интересов другой [1]. Любое неравенство: политическое, правовое, экономическое, культурное, наконец, конфессиональное, связанное с этим господство одних над другими, препятствует решению задачи самостоятельного развития национальных общностей и вызывает противоборства. Причем, ущемленность интересов может проявляться и осознаваться в различных областях жизни, вовсе не обязательно в области политики. Поле конфликта формируется в разных ракурсах. Источником его может выступать какая-либо историческая (с позиции одного из этносов), которая должна быть устранена; захват территории – жизненного пространства этноса; разрушение его системы культурных ценностей и навязывание чуждых ценностей; деградация по вине другой экологической среды; хозяйственно экономическая экспансия; языковое неравноправие и т.д.

За последние десятилетия в межнациональных отношениях накопилось немало проблем, и тому есть объективные причины. Но к решению этих проблем нужно подходить взвешенно, объективно и осторожно, выявлять и устранять их причины, а не заикливаться на следствиях. К сожалению, довольно часто при обсуждении вопросов, связанных с обострением межнациональных отношений, главные причины вспышек национальной, расовой и религиозной вражды в нашем обществе

опускаются, а все внимание концентрируется на второстепенных моментах, что показывает несостоятельность и некомпетентность органов власти, которые просто «закрывают глаза» на эти проблемы.

В последнее время такие остроугольные темы межнациональных отношений, как темы экстремизма, фашизма, ксенофобии, радикальных молодежных организаций не сходит с газетных полос, с экранов телевизоров, звучит с трибун Государственной Думы, Общественной палаты, порождая тревогу и изумление граждан: «Как могло случиться такое, что в стране, победившей фашизм, населенной одним из самых дружелюбных и терпеливых народов эта тема могла стать актуальной?». Да, эта тема стала актуальной сегодня, поскольку новое поколение по своей сути не знает историю нашей страны и считает, что такие идеологии, темы, как фашизм, экстремизм это нормальное обыденное явление [2].

Сегодня, для нашей России типичны следующие виды конфликтов:

- «Статусные» конфликты российских республик с федеральным правительством, вызванные стремлением республик добиться большего объема прав и стать независимыми государствами - субъектами международного права;

- территориальные конфликты между субъектами федерации;

- внутренние (происходящие внутри субъектов федерации) этнополитические конфликты, связанные с реальными противоречиями между интересами различных этнических групп. В основном это противоречия между называемыми титульными нациями и русскоязычным, а так же и «нетитульным» населением в республиках.

По мнению Л. Дробижевой, в 90-е годы стали выделяться три типа конфликтов этнополитического характера:

- конституционные конфликты. Некоторые республики после распада СССР приняли конституции, которые противоречат Конституции РФ: Саха (Якутия), Тыва, Татарстан. Эти противоречия заключаются в том, что, во-первых, в конституциях говорилось о главенстве законов республик над федеральными, во-вторых, это устанавливался контроль за использованием природных ресурсов, в-третьих, предполагалась возможность непосредственного выхода на международную арену. Данные конституционные противоречия были ликвидированы в 2000-е годы;

- территориальные конфликты. После распада в России существует 180 спорных зон, вокруг некоторых из них уже идут локальные военные действия;

- межгрупповые конфликты.

Исходя из приведённых особенностей и видов межнациональных конфликтов в России, необходимо выдвинуть следующие пути и методы решения данной проблемы. Главным условием предотвращения конфликтов любого характера является гармонизация национальных отношений в стране.

Для этого необходимо следующее:

- наличие демократического правового государства. Существует две основные гарантии общественного спокойствия, гармонично влияющие друг на друга, - сильное государство, базирующееся на справедливых законах, и разумная организация общества, в котором каждый имеет средства к достойному существованию;

- обеспечение единства страны, отказ регионов и национальных меньшинств от сепаратизма, признание за верховной властью всех полномочий в деле обороны страны, ведения иностранных дел, борьбы с организованной преступностью;

- предоставление компактно проживающим меньшинствам широкой автономии и права решения собственных дел, включая местные налоги, на региональном и местном уровнях;

- признание культурной автономии территориально рассеянных национальных меньшинств, финансирование из центрального бюджета преподавания и вещания на их языке и других культурных мероприятий

- максимальное перемещение центра тяжести принятия властных решений на локальный и местный уровень;

- проведение политики упреждения перерастания противоречий в кровопролитные конфликты. В последнее время для нормализации обстановки в зонах локальных и региональных конфликтов используется политика национального примирения, оправдавшая себя, например, в Никарагуа и Сальвадоре;

- демократизация межгосударственных отношений, отказ от произвольного толкования общепризнанных норм международного права;

- координация, компромисс национальных интересов как предпосылка их реализации; ведущим принципом национальной политики должно стать управление интересами через интересы национальностей;

- равноправие всех наций, удовлетворение их национально-культурных, религиозных, языковых и иных потребностей, укрепление демократии и централизма[3].

К сожалению, ещё одной немаловажной проблемой в сфере межнациональных конфликтов является то, что в России до сих пор отсутствует необходимая правовая база для урегулирования межнациональных отношений, ненасильственного разрешения конфликтов

на этнической почве. Не выработаны механизмы реализации конституционных положений, обеспечивающих претворение в жизнь демократических прав и свобод не только личности, но и этнонациональных сообществ. На наш взгляд решение в первую очередь именно этого вопроса позволит в разы уменьшить количество межэтнических конфликтов в нашей стране.

Литература

1. *Петтигрю Т.* Социология расовых и этнических отношений М., 2012.
2. Политология: Учеб. / Отв. ред. В.Д. Перевалов. М., 2013.
3. *Лебедев М.М.* Политическое урегулирование конфликтов. М.: Аспект Пресс, 2009.

Влияние этнических факторов на формирование управленческой культуры

В.В. Харчев, Л.С. Пепанян

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Ранее в ходе данного исследования мною было установлено, что управленческая культура – это совокупность ценностей, убеждений, отношений, общих для всех сотрудников организации, предопределяющих нормы их поведения и основной компонент в достижении управленческих целей. Поэтому логично предположить, что в реалиях нашей страны с ее многонациональным составом для формирования управленческой культуры имеет особое значение этнический фактор, так как в процессе управления культура определенной общности людей, объединенных совместной деятельностью, позволяет людям понимать и придавать значение действиям, событиям и ситуациям и различным культурным особенностям и ценностям той или иной нации.

В литературе отмечается, что в настоящее время в России сложилась ситуация, когда организации остро нуждаются в изменении подходов к управлению организацией: состояние рынков и конкуренции требует более пристального внимания к проблемам формирования управленческой культуры. Особенностью России также является мультиэтнический состав ее населения, принадлежащего к различным конфессиональным, языковым, культурным группам. И говоря об общероссийских принципах формирования управленческой культуры, необходимо учитывать подобную культурную неоднородность населения страны. Так как для разных культур свойственны различные мировоззренческие позиции, обусловленные собственными им

нормами, ценностями, обычаями, совершенно очевидно, что они не могут не играть существенные роли в процессе становления культуры управления в стране, данном регионе и на организационном уровне. То есть влияние этнокультурных аспектов, может играть значимую роль в управленческом процессе.

Вопросы влияния этнокультуры на социальные процессы в обществе, к которым относятся также и процессы управления, рассматриваются в рамках различных наук: социальной психологии, этнической психологии, этнической социологии и менеджмента. В процессе управления, если рассматривать его под углом обусловленности социокультурными особенностями нашей страны, особое значение приобретает исследование взаимодействия представителей различных этнических групп в управленческой и любой другой профессиональной деятельности.

Вопросы межкультурной коммуникации поднимаются все чаще в рамках науки управления. Данное направление получило в мировой практике название кросскультурного менеджмента, который изучает влияние культурно-обусловленных характеристик субъектов управления и коллективов организаций на управленческий процесс, а также особенности управления в различных культурах.

Ряд авторов отмечает, что «для России с ее мультиэтническим составом населения большинства регионов, выявление степени влияния этнокультурного аспекта на управленческие процессы может иметь большое значение в целях совершенствования существующих методов и способов управления» [1, с. 23].

К сожалению, в отечественном менеджменте влияние фактора этнической социокультурной принадлежности на процесс управления пока рассматривался недостаточно, в связи, с чем возникают затруднения методологического характера при проведении исследований в данной области.

Для начала необходимо заметить, что если рассматривать организационную культуру как обобщенную характеристику организации, а в рамках одной организации работают, взаимодействуют представители различных культур, то можно предположить, что в рамках организационной культуры существуют определенные субкультуры, характеристика которых обусловлена принадлежностью некоторого количества работников организации соответствующим этническим группам.

В литературе, под этническим фактором понимается национальный характер, обычаи, культурные особенности различных народов, все то, что называется национальной культурой, которая оказывает значительное, если

не определяющее, влияние на формирование, как организационной культуры в целом, так и управленческой культуры в частности [2, с. 39].

Впервые вопросы национальной культуры в управлении в начале XX в. подняли американские социальные антропологи Р. Бенедикт (Ruth Benedict) и М. Мид (Margaret Mead). Позже американский социолог А. Инклес (Alex Inkeles) и психолог Д. Левинзон (David Levinson) определили, ключевые параметры национальных культур – отношение к власти, отношения между человеком и обществом, индивидуальное понятие мужественности и женственности, средства разрешения конфликтов, включающие к себе контроль агрессии и выражения чувств. На формирование национальной культуры в свою очередь оказывают влияние следующие факторы: система семьи, система образования; экономическая система, политическая система; религиозная система, система социализации, система здоровья; система отдыха [3, с. 23].

Гертом Хофштедом еще в 1970 - 1980х годах были проведены эмпирические исследования национальных культур более 50-ти развитых и развивающихся стран. Исследования Герта Хофштеда и его коллег продемонстрировали, что даже в крупных мультинациональных компаниях, известных своей сильной культурой, таких как IBM и GE, национальная культура играет ключевую роль в ценностных установках сотрудников локальных подразделений [4, с. 80]. Выделив несколько «культурных» переменных, исследователи выявили разницу между национальными культурами и сформировали страновые кластеры на основе значений этих переменных.

В основу исследования Г. Хофштеда была положена оригинальная идея – изучить ценностные установки сотрудников крупной мультинациональной компании, имеющей подразделения во многих странах. Ученые предположили, что если будет обнаружена разница в ценностных установках сотрудников национальных подразделений компании и она будет коррелировать с внешними данными, то эта разница может быть объяснена только влиянием этнического фактора. В качестве базы исследования была выбрана компания IBM. За период с 1968 по 1972 г. исследовательская группа Г. Хофштеда провела анкетный опрос работников 72 зарубежных подразделений IBM, собрав 116 тыс. заполненных анкет, каждая из которых включала в себя свыше 100 стандартных вопросов. Вопросы анкет были сформулированы таким образом, чтобы оценить ценностную ориентацию респондентов в следующих областях: социальное равенство/неравенство, отношение к власти; отношения индивидуума с группой; мужественность и

женственность в поведении; отношение к неопределенности; отношение к семье и обществу [3, с. 23].

Респонденты давали ответы на вопросы анкеты по бальной шкале. Таким образом, исследователи «оцифровали» ценностные установки респондентов. Статистическая обработка результатов исследования позволила вычислить числовые коэффициенты, характеризующие национальные культуры в 5 измерениях: дистанции власти – от малой до большой дистанции власти; коллективизма – индивидуализма; женственности – мужественности; избегания неопределенности – от слабого до сильного избегания неопределенности; долгосрочной – краткосрочной ориентации.

Для данного исследования наибольший интерес представляет такое измерение, как дистанция власти, которая характеризует приемлемость для членов общества неравномерности распределения власти и формирования управленческой культуры с учетом этнической культуры персонала. В деловой культуре малая дистанция власти подразумевает равноправие, доступность руководства. Большая дистанция власти подразумевает приемлемость неравенства, малую доступность руководства, т.е. ее управленческой компоненты.

Избегание неопределенности характеризует ту степень, в которой индивиды допускают в своей жизни неопределенность и соответственно стремятся ее снизить. Неопределенность принципиально неизбежна, она всегда вызывает у людей ощущение тревоги.

Технологии, законы и религия помогают людям снизить тревогу, связанную с неопределенностью в жизни [3, с. 24]. В деловой культуре сильное избегание неопределенности проявляется в частности в тяге к формализации отношений (выработке формальных правил) и вертикальным управленческим отношениям.

Как указывалось выше, Г. Хофштед получил данные по 50 странам, однако данные по России были собраны им позже (с использованием косвенных источников – национальной статистики, литературных и исторических источников, других исследований) и опубликованы в 1993 г. В 2004 году А.И. Наумов, доцент Высшей школы бизнеса МГУ, опубликовал данные собственного исследования российской культуры, проведенного по методике аналогичной методике Г. Хофштеда [5, с. 381] исследования, проведенные А.И. Наумовым продемонстрировали, что в показателе дистанцированности власти в управленческая культура нашей страны очень близка культуре управления на предприятиях США.

Исследования Г. Хофштеда часто критикуют – за ограниченность эмпирического исследования рамками одной многонациональной культуры, за точку зрения «западного» исследователя и т.п. методические огрехи [6, с. 12]. Изначально исследование было запроектировано так, чтобы найти точки сравнения разных национальных культур, а не выявить их уникальность.

Исследование само по себе не позволяет расшифровать базовые представления национальной культуры и выявлять причинно-следственные связи, которые можно использовать в управлении. Исследования Г. Хофштеда показали, что национальные культуры формируют 5 крупных кластеров в пространстве переменных «дистанция власти» и «индивидуализм».

Литература

1. *Дробижсва Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2011.
2. *Льюис Р.Д.* Деловые культуры в международном бизнесе: От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 2011.
3. *Пермякова Л. Д.* Влияние национальной культуры на организационную культуру публичной службы // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2012. № 12.
4. *Зеленова О.И.* Организационная культура и лидерство в мультинациональных организациях: Монография. - М.: РУДН, 2008.
5. *Наумов А.И.* Влияние национальной культуры на управление бизнесом // Менеджмент: Век XX – век XXI: Сборник статей. /Под ред. О.С. Виханского, А.И. Наумова. М.: Экономистъ, 2014.
6. *Шкаратан О.И.* Русская трудовая и управленческая культура: опыт исследования в контексте перспектив экономического развития // Мир России. 2002. Т. 11, № 1.